

ЭХО ЗАБЫТЫХ ЭПОХ

НИКА ЛЕМАД

18+

Ника Лемад

Эхо забытых эпох

«Автор»

2026

Лемад Н.

Эхо забытых эпох / Н. Лемад — «Автор», 2026

В погоне за памятью нарушены границы запретных земель. Их хранители, пролив моря крови в прошлом, теперь вынуждены собраться в одном месте и не слишком рады этому. Шакал плетет свои интриги. Мечтает о величии северянин Ниэль, не брезгующий ничем и никем для своих целей. В поисках отражения, способного открыть ему путь в бездну и показать изначальную магию, он в конце концов прорывается в Пустошь, где хранится последний доспех, принадлежащий белому змею. Асафí всеми силами желал бы устранить эту уязвимость, сохранить мир, установленный регентом, не допустить повторения войн. Среди оплавленных песков, в отголосках забытых эпох рождается понимание, что выбор у него был всегда. И его ему предстоит сделать, каким бы тяжелым он ни был. Художник обложки madlian

© Лемад Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
1. И цель скитаний вроде бы ясна,	6
2. Но неудачам уж утерян счет.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ника Лемад

Эхо забытых эпох

Пролог

Изначальная темнота и равнозначный ей свет — единение, порожденное абсолютной пустотой и обретшее бесконечную форму, развившее острый, но бесстрастный разум. Первобытное пространство, давшее начало столь же холодным сущностям, обитающим вне времени и любых протяженностей.

Они впитали в себя палящий огонь звезд и невообразимый лед. Их воля и помыслы свободны настолько, насколько это могут осознать, они не заинтересованы ни в чем. Они существуют. Они — величественные творения бездны Садана, не поддающиеся ни человеческому, ни демоническому воображению. Они плывут в вечности, лишь наблюдая, неподвластные никому и ничему, кроме себя. Они нейтральны и лишены устремлений.

Однако тяготится их величием и мощью тот, чей темный взор и эгоистичные желания проникают сквозь невидимые прорехи в материи мира. Мельчайшая пыль ледяного пламени разожгла в жадном сердце пожар. Император пяти великих владений Нарсама, Ксафир Тимен Диссемирт, маг отражений, скульптор сознания и мастер подчинения, все силы бросил на то, чтобы заполучить частичку бездны. Он отыскал лазейки, он отразил ледяное пламя, он сотворил из него изумительные доспехи и ими выманил существо, родственное Огню Садана. Обманом сковал и подчинил, вынудив принести магическую клятву, с извращенной изнанкой которой кристально чистое творение Садана, принявшее форму змея, было не знакомо.

Он поработил того, чьей силе мог лишь завидовать, а все попытки отразить самого ледяного змея окончились неудачей. Человек — ничто против бездны Садана. Ограниченное земными рамками сознание не совладало с постижением и воспроизведением вечности, что побудило великого Ксафира Тимена Диссемирта искать другие пути использования змея.

Он дал ему имя. Назвал безымянный ужас и насильно деформировал его, создав дуала. Придав Асафи иную форму, получив возможность диалога, обманом вырвал полное повиновение и навязал свою волю, обезопасив себя от последствий гнева разъяренной сущности. Он стер его воспоминания, лишил знаний о возвращении в истоки, навязал тяжелый груз ответственности за чудовищно созданные жизни, пусть неполноценные, но столь похожие на самого змея.

И не отпустил Асафи после своей смерти, предусмотрев условия, при которых ледяная тварь непременно станет искать способы воскресить своего хозяина.

Обеспечил себе бессмертие.

Его душе оставалось лишь ждать.

И спустя многие века крупницы замыслов мертвого императора сложились, наконец, в предначертанную им форму.

1. И цель скитаний вроде бы ясна,

Проклятие...

Первая ясная мысль, возникшая среди вспышек под черепом, заставила Блаэна подско-
чить и сорваться с места.

— Йена! — прохрипел он вторую мысль, судорожно напрягая затуманенное зрение: стены, в которых он оказался, не вызвали ни капли узнавания, только усилили страх за девуцу, который был последним, что он помнил. Они с этим страхом очнулись вместе.

Спутанные грудой одеял ноги подвели, и, не сделав ни шагу, клирик рухнул вниз, со всего размаху приложившись щекой о доски пола. Прокусил язык. От удара в легких застрял воздух, и несколько мгновений Блаэн таращился в забытые старой грязью трещины в половицах, не имея сил ни вдохнуть, ни выдохнуть, а потом дернулся, быстро разжал челюсть, чувствуя кровь, скапливающуюся во рту.

— Йена... — прошипел, сплевывая и с трудом моргая. Даже тот тусклый свет, что проникал через окно, стал для глаз отравой. Под веками защищало, сразу же расплылись очертания помещения. Блаэн попытался подтащить к себе руку, однако в итоге просто вытерся лицом о доски.

Болела каждая мышца в теле, ныли все жилы. Колотилось с перебоями сердце, пугая очередной потерей сознания.

Как будто над ним поработала Йена. Только она этого совершенно точно не делала, а значит, постарался тот человек, встреченный на причале. То, на что он оказался способен, не поддавалось объяснению. Он одним прикосновением вырвал у него свет, силы, мысли и напоследок — отнял контроль над собственным телом, оставив после себя рухнувшую на камни массу из плоти и костей.

Он был силен. Блаэн не встречал даже полноценных магов, обладающих такими возможностями.

Продышавшись, он приподнял голову, упершись подбородком в пол, а в поле зрения возникла пара облепленных пылью сапог. За ними по полу расстился темный плащ как продолжение темноты, из которой доносилось ровное дыхание.

— О суккубе печешься? — произнес теневой голос. Тихий вздох. — Она жива.

Облегчение, которое испытал Блаэн при сообщении, было недолгим и сразу же сменилось еще большей тревогой.

— Где она? — выдавил из себя вместе с кровавой слюной.

Незнакомец пошевелился, заставив клирика напрячься, а потом пересел на корточки. Руки, которые свесил с колен, нагибаясь, были в перчатках, а плотная ткань плаща вызвала у Блаэна напряжение памяти. Некая важная информация крутилась совсем рядом, которую он упускал ввиду занятости другим.

— Где она? — упрямо стиснул зубы.

Вместо ответа человек поднялся, просунул руки под Блаэна и одним движением вздернул его вверх, после чего вернул на кровать.

Встал на свет, позволив себя рассмотреть. Коротко стриженные темно-русые волосы, вежливый намек на улыбку, только взгляд темных глаз выдавал в нем старика, по возрасту равного самому Нарсаму; он проникал внутрь, цеплял и вынимал саму душу, обнажая ее для изучения. Лицо приятное, даже одухотворенное, на нем выражение всепонимания и всепрощения. Голос тихий, сильный — образец идеального служителя Суры. Только человек ли он — Блаэн не взялся б утверждать его абсолютную принадлежность к людской природе.

Вдобавок мог бы поклясться, что впервые видит эту схожую с клириком личность.

Его физическая сила также впечатляла. Незнакомец управился со здоровенным служителем Суры как с ребенком. Учтя это и свою полную опустошенность, о прорыве из комнаты с боем речи быть не могло. По крайней мере, не сейчас. Единственное, что оставалось Блаэну — рычать дальше или хотя бы попробовать выяснить намерения посланного за ними следопыта, а также надеяться на милость того, кто прекрасно знал, что собой представляет отловленная пара беглецов.

— Где она?

Незнакомец опустил и поднял веки. Выражение темных глаз не изменилось.

— В соседнем номере. В том, который вы сняли у тощего Нефа. — Отметив, как взгляд Блаэна метнулся к двери, предупреждающе качнул головой. — Не советую поднимать шум. Ей ничего не грозит. Пока.

— Пока что?

— Пока ты сотрудничаешь, — неторопливо пояснил незнакомец и вернулся на свое место. Блаэн уронил голову на подушку и постарался взять себя в руки, успокаиваясь верой в прозвучавшие слова. Противно колыхалась страшная слабость, не позволяя забыть о себе ни на миг.

— Что от меня требуется? — спросил, сжав глаза вбок.

Человек оставался серьезен и не показывал виду, что его радует быстрая капитуляция. За это клирик был ему немного благодарен, ибо не привык так бесславно падать на колени.

— Мы получили послание, — негромко проговорил неизвестный, заставив Блаэна бросить размышлять о гордости и сдвинуть брови. — А, точнее, имя. Ниэль Фелин.

— Мы, — эхом отозвался Блаэн, опять резко садясь и хватаясь за перекладину кровати. Качнулся вперед, упираясь плечом в изголовье. — Я оставлял его...

— Торговке, — негромко подсказал незнакомец. — В Нане. Она же помогла тебе бежать, верно?

Блаэн стиснул зубы и вздернул голову.

— Не понимаю, о ком речь.

Человек мягко рассмеялся, откинувшись назад.

— Благодарный. Понимаю. Только можешь оставить свои опасения. Послание попало куда нужно вместе с сообщением, что некий Блаэн Росс прошел запретную темницу в центре того же города, да еще умудрился покинуть ее. Не совсем невредимым, как вижу из того, что девке приходится дурь из тебя выколачивать, но вполне живым.

Святая Сура, побледнел Блаэн, глядя в глаза незнакомцу, а ведь я все еще клирик, связанный обетом целомудрия.

— Она не...

— Вариант годный, — продолжил внезапный гость, разглядывая взмокшего беглеца пристальнее, причем прекрасно понимая, от чего тот медленно вдавливаясь в кровать, — на время сойдет. Но недолговечный. Ты и сам должен был в этом убедиться.

— Я клирик, — потрясенно прошептал Блаэн, не сводя глаз с высокого человека.

— Я знаю.

— Я нарушил святые обеты, — практически прошепестел клирик, сминая ткань длинной нижней рубахи в кулаках. — А ты так спокойно говоришь об этом?

Во взгляде незнакомца ему почудился проблеск сочувствия, а улыбка продолжала поднимать уголки губ вверх. Он растегнул плащ и перебросил тяжелую ткань через спинку стула. Под ним оказались темные дорожные штаны и такого же цвета глухая, под горло, туника до середины бедра, выглядевшая далеко недешевой несмотря на строгий крой. Шею оттягивала цепь из прозрачных, искрящихся звеньев, на которые Блаэн уставился, не в силах опознать материал. Обработанные алмазы, как помнил, показывали себя много скромнее.

— Я давно не был в обществе, подзабыл нюансы и мог при встрече показаться грубым, — напомнил о себе человек, в то время как ошарашенный Блаэн переводил взгляд с темного плаща на массивное украшение, и обратно. — Да и ты показал себя не очень дружелюбным. Но зля я в мыслях не держу.

— Тебя направил регент. — Ничего другого в голову не приходило.

— А кто еще? — приподнял бровь незнакомец. — Клирик, вообще с головой не дружишь? Кто еще будет за вами присматривать, как не тот, кто помог кусочек светлого дара получить?

— Да. Верно. — Привлек внимание самого регента. Плохо это или хорошо, Блаэн не знал. — И я понимаю, что должен ответить за управство в темнице, за свои прегрешения, но... — Он заставил себя не отводить глаз, молясь, чтобы не прозвучала опять сущность Йены, и ей позволено было бы избежать разбирательства в храме. — ...Наверное, я не могу сделать это сейчас. Дай мне время, я отыщу родню Йены, передам ее и вернусь. Ее вины в том, что со мной происходит, нет. Она — жертва, я буду настаивать, что принудил ее.

— Она вывела тебя из долины, — спокойно озвучил незнакомец то, что мало кому было известно. — Я б сказал, вынесла на себе. И вы не раз друг друга выручали по пути в Нан.

У Блаэна дрогнула челюсть. Выдерживать испытующий взгляд становилось все сложнее. Уверенно врать в глаза у него выходило из рук вон плохо, да и за глаза тоже; не этому учили в храме.

— Я не стану сопротивляться аресту, — глухо пообещал, стараясь дышать глубже и не паниковать. — Ее не тронь. Она интереса не представляет.

Незнакомец смотрел загадочно, и Блаэн поспешил добавить:

— Я расскажу все одному регенту.

— Это еще почему? — полюбопытствовал человек.

По лицу Блаэна пробежало презрение, которое он даже не попытался спрятать:

— Среди клириков есть продажные, — скривил губы, злясь. — Они помогали Ниэлю исцелиться после ранения. В храмовников веры у меня больше нет. А в любом штабе найдут причину и убьют меня, как только попаду им в руки. Я не оправдываюсь, я это заслужил, но сначала я должен передать информацию.

Незнакомец подался вперед, слушая торопливую просьбу о встрече с регентом и причины, достаточно уважительные, как видел. Его глаза посветлели, отражая свет, который он хранил в себе.

— Я, верно, неточно выразился. Я — целитель, благословенный темницей... до тебя, — пояснил, глядя, как вытягивается лицо Блаэна, окончательно растерявшее краски. — Второй советник регента, по личному распоряжению правителя прибывший к тебе. И твоя казнь в мои полномочия не входит. Зови меня Хелием.

Леденящий момент понимания, внезапный шок осознания, кто перед ним... точнее, перед кем он, заставил клирика окаменеть. Теплая ладонь, освобожденная от перчатки, незаметно опустилась ему на лоб, а потом заслонила глаза, укрывая измученный сомнениями разум целительной темнотой. Ей сопротивляться Блаэн не смог и провалился в забытие без сновидений.

Оно длилось целую вечность и пролетало стремительно за мгновение.

Он его не мог ухватить и чудовищно устал созерцать нескончаемость.

Несколько раз Блаэн пытался оттуда выбраться, когда навязанный сон истончался достаточно для пробуждения тревоги за Йену. Каждое просветление оставляло свой след в памяти, но этого было мало для овладения своим сознанием, и тем более — телом. Человек, назвавшийся советником регента, включал его, проверял и отключал опять, в точности как некромант повелевал своим зверьем.

Йену Блаэн не видел и не слышал. Путаная бессмыслица, никак не формирующаяся в конкретные образы, тупо ныла, лишая покоя. В один из череды просветов путем неимоверного напряжения над собой он потянулся, успев перехватить запястье целителя прежде, чем оно накрыло его лоб, и почувствовал себя при смерти. Вцепившись слабыми пальцами в руку, собирался с силами, чтобы, облизнув пересохшие губы, устремить на обращенное к нему лицо молящий взгляд в надежде, что благословенный Сурой сам прочтет смысл просьбы.

Целитель ждал терпеливо, будто располагал всем временем этого мира.

У Блаэна же пронеслась мысль, что таким образом он дождется только смерти своего пленника. Не помнил даже, когда в последний раз его губ касалась простая вода.

— Пить, — просипел тогда, насилу ворочая распухшим языком.

Его просьба была немедленно исполнена, затылок обхватила ладонь и приподняла, помогая утолить жажду.

— Не... усыпляй.

Испытующий взгляд прошелся по безвольному телу и остановился на покрытом испариной лице, на синем цвете глаз, единственном ярком пятне среди белизны кожи и простыней.

— Твой дар скачет. Тебе не по силам совладать с ним. Тебя попросту испепелит изнутри, если позволить тебе набрать силу, — последовало от советника объяснение своих действий. — Я не могу позволить тебе проявить себя, тем более в месте, полном людей. Ты достаточно заявил о себе.

Блаэн ничего из этого не помнил. Но, знакомый уже с внезапно накатывающим умопомрачением, цена за которое оказалась непомерно высока и была уплачена другими, не взялся бы утверждать с полной уверенностью, что целитель лжет. Прикрыв глаза, попытался отыскать схожие ощущения, моменты палящей боли, с которой прорывался его свет. Хоть что-то, образ, запах, сияние, которое смог бы связать с реальностью. Но там зияла пустота.

Он мрачно исследовал комнату, опаленные стены и наглухо заколоченный доской оконный проем. Свет испускала теперь искра, помещенная в светильник и оставленная на вздыбленной волной подоконной плите. Обстановку Блаэн помнил иначе, а жесткий контроль целителя над ним подразумевал, что причиненный ущерб — его рук дело.

— Люди... — прошептал и прикрыл глаза, боясь услышать ответ. — Кто-нибудь пострадал?

— Нет, — успокоил назвавшийся Хелием человек, и Блаэн обессиленно распластался на спине. — Я был наготове.

Блаэн коснулся тускло светящимися кончиками пальцев висков, потом вытянул перед собой руку. Долго разглядывал увивающие предплечье вены, расплетающиеся под кожей подсвеченными узорами. Повисшая в номере тишина перекачивалась от кровати к занятому целителем стулу и обратно, пока Блаэн пытался потушить свет, а, не достигнув результата, уронил кисть на живот.

— Как ты нас нашел? — утомленно произнес.

— Я почувствовал тебя еще в Нане. Только не сообразил сразу.

— Как смог нагнать нас?

— Долетел, — пояснил Хелий, чуть хмурясь при виде того, как Блаэн прячет руки под себя. — Выдвинулся практически по вашим следам.

— Но расписание дирижаблей...

— Дирижабль полетел туда, куда мне нужно, — напомнил целитель о том, кто он есть и какими полномочиями располагает помимо магии. Блаэн волей-неволей был вынужден вспомнить об этом и в который раз не поверил, что один из жутчайших советников самого регента бдит у его кровати как заботливый наставник из храма.

— Святая Сура... — прошептал и скривился. — Сколько времени я здесь нахожусь?

— Три дня, — последовал честный ответ.

— А...

— Она спит.

В это верилось с еще большим трудом, чем в мирную беседу с советником после того, как осквернил каждый из принесенных обетов клирика, а некоторые валял с поистине неприличным рвением. При одном только воспоминании, невольной мысли о днях, проведенных в сладостном забвении, обомлел всем телом и непроизвольно напрягся.

В животе затрепетало нежнейшее ощущение, а по венам промчался жидкий огонь.

Блаэн подумал, что для раскаивающегося у него ничтожно мало сожалений о своем падении. Лишь понадеялся, что проблеск низменных мыслей не отразился внешне так явно, как ощущался, и сосредоточился на настоящей теме.

— Три дня? — Прочистил горло, не поднимая головы. — Беспробудно спит три дня?

— Это лучшее, что я мог сделать в данной ситуации, — терпеливо пояснил Хелий. Блаэн в замешательстве сдвинул брови, ожидая чего-то большего от мага-целителя:

— Ты мог...

— Что? — со вздохом спросил Хелий, когда Блаэн замолчал, не придумав ничего оригинальнее. — Отправить ее в твою койку и измотать тебя по старинке? В этом, не стану спорить, приятностей больше, чем со мной, однако...

Глаза Блаэна раскрылись невозможно широко, губы поджались, а по щекам разлилась сердитая краска. Хелий вздохнул еще раз и наклонился вперед, доверительно понизив голос:

— Беда в том, что вы оба слишком шумные. Капитан вашего дирижабля прямо так и сказал.

Блаэн метнул в него свирепый взгляд, начиная нешуточно раздражаться тем, что его слова подхватывают и заканчивают за него.

— Читать мысли — это часть целительской магии?

— Для этого не нужно быть провидцем, у тебя на лице все написано. — Целитель выровнялся и обвел глазами клирика, лохматого, бородатого, нелепо огромного в одной ночной рубашке, потерянного в себе и в мире, разочарованного и, тем не менее, все еще цельного, держащегося за некие собственные принципы. Уверен был, что именно они были благосклонно восприняты отголосками ледяной бездны, родившейся вместе с белоснежным ребенком в темнице когда-то на заре стертых летописей; тем, что составляет основу целительства.

Люди по своей невежественности приписали все заслуги Суре и молятся ей как святой, но ему было известно, какова природа света, струившегося в телах отдельных магов, и что с нянькой белого змееныша она никак не связана.

Блаэн напряженно следил за вихрем неопознаваемых эмоций, отразившихся в темных глазах целителя, пока тот хранил молчание. И отнес их на счет девицы, о которой речь заводилась неохотно.

— Отведи меня к ней, хочу видеть ее сам, — начал настаивать упорнее.

Хелий вернулся к прежней невозмутимости очень быстро.

— Не веришь?

Блаэн замялся, не решаясь выпалить то, что крутилось на языке.

— Позже, — внезапно согласился Хелий, не успев клирик придумать достаточно осмыслительный ответ, и придвинул свой стул вплотную к кровати. От целителя исходило нечто незримо знакомое, строго сдержанное умиротворение, отчего смятение Блаэна улеглось немедленно, давящая тяжесть содеянного им будто уменьшилась. — Вначале ты расскажешь без свидетелей все, что предназначено для регента. Все, что знаешь. Любые мелочи о Ниэле Фелине, сыне наместника Саньёна. После я разбуджу твою Йену и приведу к тебе. Но запомни вот что: заставите меня краснеть перед хозяином гостевого дома — больше поблажек не будет.

Блаэн, слегка успокоенный обещанием, немедленно покраснел опять и глянул на тюремщика исподлобья, глотая резкий ответ. Заставил себя дышать размеренно, не поддаваться распивавшему возмущению и согласиться, что отповедь более чем справедлива.

Хелий ждал, сложив ладони на животе. От этих сильных пальцев взгляд клирика сам собой переместился выше и вновь увлекся странного вида украшением, оттенявшимся черными декорациями одежд.

— Ну так?

Блаэн с трудом оторвался от слепящих переливов диковинного орнамента и постарался собраться с мыслями для последовательного доклада.

— Это обработанный ксамантис, — сообщил целитель, заметив неприкрытый интерес клирика.

— Кса... что? — моргнул Блаэн, сбившись с мысли. И сразу вспомнил шепотки среди юнитов об оружии регента. Тут же качнул головой в неверии: — Его не существует.

— Как скажешь, — изогнул краешек губ Хелий. Выражение приятного лица не испортилось; сапог, однако, застучал по полу в нетерпеливом ритме. — Клирик Блаэн Росс, мы можем обсудить подлинность легенд в другой раз. Когда я говорил о сотрудничестве, я имел в виду, что мне не придется вытягивать из тебя сведения об убийце силой.

Силой, про себя повторил Блаэн, чувствуя, что применение силы целителем на нем плохо скажется. Побоялся, что ко всему прочему может начать сопротивляться.

— Ниэля Фелина первый раз я увидел... — послушно начал. Потом нахмурился. — Нет, началось все не так. Началось все с того дня, когда в деревеньке у долины Сидэ был убит капитан Юн Тореас, после чего туда был направлен комиссар Тод Алифор, в его распоряжении находился и я. Северянин уже был в Хилескоре к моменту прибытия нашей роты.

Блаэн рассказывал все, что знал, слышал и чему был свидетелем лично. Не стал скрывать поступки комиссара, приведшие к уничтожению гарнизона, лишь оправдал его чудовищным давлением близости Сидэ, которое влияло и на него самого, но не в той губительной степени. О ритуале совета старейшин поведал, о том, как спас Йену раз, потом второй, и третий. Какое отношение получил в Союле, какой путь был проделан до Нана. О помощи кузнеца упомянул, о том, что уговор у них был, который клирик не подумал нарушать. О нападении Ниэля, о самом Нане и о том, что вынудило его искать спасения в живом тумане темницы. Как бежал из Нана и почему оказался здесь.

Единственное, о чем умолчал — об услышанном в доме родичей тощего Нефа. Он сам еще не понял, что означает ведьмовской заговор по поимке белого хранителя в сети девы. Если цель и была раскрыта старухами, то он этот отрывок проспал.

— Мы хотели собрать доказательства против Ниэля на месте, — закончил Блаэн и снова потянулся за водой, которую целитель предусмотрительно оставил у кровати. — То, что сказал северянин — истина? Саф, белый человек, крутившийся у Хилескоры — он один из хранителей?

— Северянин сказал правду, а ты поищи свое здравомыслие, которое я, к сожалению, переоценил в тебе, — обронил Хелий. — И не вздумай мстить за комиссара. Ты белому змею не соперник.

Блаэн вздрогнул.

Грани прозрачного кувшина загорелись самоцветами, отбросив на стены всплеск радуги, едва его коснулись пальцы клирика, и Блаэн, уже всей душой ненавидевший проявления света, не смог совладать с собой. Злость потянула за собой еще большую ярость, стекло жалобно треснуло. Ничем не сдерживаемая жидкость пролилась на грудь и намочила рубаху. Хелий даже не удивился, как знал, что будет.

— Оправляешься, — заметил он, глядя, как замер клирик, уставившись на усеявшие кровать осколки. — Именно поэтому я тебе нужен.

— Чтобы держать меня здесь до смерти? — глухо выговорил Блаэн, облизнув сухие губы. Хелий поднялся, отыскал миску и с ней подошел к расстроенному произошедшим и оттого начавшему злиться будущему ученику.

— Собери, — сказал, протягивая пустую посуду. — Не стоит тут кровь пускать. Я принесу еще воды и сухое белье. Одежда в сундуке, подбери себе подходящую.

Блаэн стиснул кулаки и в помещении раздался треск ткани.

Хелий вздохнул и шевельнул пальцами другой руки по своему боку. Взгляд Блаэна метнулся туда, безошибочно распознав дальнейшие намерения. Кулак разжался как по приказу. Клирик выхватил у целителя миску и принялся кидать туда осколки, не обращая внимания на то, как они сияют, зажатые между пальцами.

— Соберу, — заверил, делая вид, что вполне справляется с жаром, бегущим по венам. Все, что угодно, лишь бы опять не валяться без чувств вместо того, чтобы получить обещанную встречу с Йеной. — Как долго я буду здесь находиться?

Хелий протянул ладонь, а Блаэн инстинктивно отшатнулся, избегая прикосновения. Целитель склонил голову. Клирик замер, настороженно глядя в темные омуты глаз.

— Сиди спокойно, — сухо посоветовал Хелий и уложил-таки ладонь на голову Блаэна. — Я отправил послание и жду дозволения, — прозвучало не менее загадочное продолжение.

Блаэн чуть дышал, ощущая, как ослабевает, растворяется чудовищное внутреннее натяжение, дергавшее каждый нерв. На смену ему пришло онемение, будто вывернутые суставы наконец вставали на свои места. Бешеный ток крови увял, не разносился более болезненно по телу. Свечение под покрытой мурашками кожей заметно приглушилось, отчего не смог сдерживать облегченного выдоха.

— Дозволения чего? — вяло пробормотал, борясь с накатившим желанием лечь и спать.

— Ступить в запретную обитель. — Хелий убрал руку, не доведя помрачение сознания до конца.

Блаэн в тот же миг уверовал, что его опять потащат в темницу в Нан, где он оказаться желал бы в самую последнюю очередь. Все еще жива была память о пережитых в том месте агониях, лишивших его покоя и чуточку — разума.

Он сбросил с себя навязанное сонное оцепенение и распахнул глаза, ужаснувшись перспективе. Послушание и смирение перед регентом схватились с инстинктивным порывом избежать возвращения в ту зловещую обитель смерти.

К сожалению, противопоставить целителю ему было нечего кроме взрыва неконтролируемой ярости, которую, как Хелий только что продемонстрировал, погасить ему ничего не стоило. Только протест тем не менее разрастался. Кончики пальцев опять засветились, туда целитель опустил взгляд, многозначительно приподнимая брови.

— Силен. — В целителе проявился интерес взамен ожидаемого Блаэном тычка в темноту. Синие глаза клирика сузились, а Хелий смотрел прямо. — Первый тебе урок — не ищи в моих словах то, чего в них не заложено, иначе я никогда не пойму, в чем должен тебя переубедить.

— Я не вернусь в темницу, — резко сказал Блаэн, продравшись сквозь витиеватый слог.

— О темнице речь не идет.

— Тогда что?

— Тихое место, где ты сможешь обуздать себя и перестать пытаться уничтожить любое место, куда тебя заносит. Там тебе ничто не грозит, кроме меня, — заверил Хелий, чуть улыбаясь при виде сомнений, мучавших клирика.

Блаэн подумал. Отставил миску, которую с трудом удерживал в ослабевших руках.

— Не темница? Не храм? Не штаб? — уточнил. Целитель кивнул. — В голову ничего не приходит кроме оставшихся гор или пустыни.

Хелий загадочно покачивал головой, а Блаэну нравилась таинственность все меньше.

— Поэтому не позволяете клирикам вволю бродить по темнице?

— Не для каждого она распаивает двери, — напомнил Хелий, а Блаэн подумал о бесчисленном количестве смельчаков, polegших в тумане, даже не сумевших коснуться древних стен. — То, что вы, храмовные служители, получаете, выпрошено для вас регентом. Но есть исключения, когда заключенная в том месте сила действует самостоятельно. Ты, например. Ты испытал эту мощь, с которой смогут совладать лишь регент и хранители, только регенту недосуг, а хранителей не так просто заставить вылезти из нор и ловить магов-недоучек. Неуправляемая магия — это чистый хаос, до которого не дотягивает даже сеющий раздор приспешник безымянных демонов Пустоши. Думаю, последствия очевидны.

— Но я ничего не сделал, — хмуро проговорил Блаэн. По крайней мере такого, чтобы потребовались хранители для усмирения. А чуть погодя вспомнились окраины Нана, где поддался подстегиваемому туманом безумия стремлению уничтожить, рушить. Будь там люди, и их бы смел с пути без раздумий. Пожалуй, в тот момент испытал бы извращенное удовлетворение.

Поэтому дальше оправдываться не стал и устался на прилипшую к телу рубаху, которую ему давно уже предложили сменить.

— На твое счастье, ты заинтересовал суккуба. — В тоне целителя прозвучала сдержанная похвала этому сомнительному достижению, и Блаэн изумленно вскинул глаза. — Обычная дева не совладала бы с тобой.

— Что с ней будет?

— Ничего.

— Ничего... — эхом повторил Блаэн, откидываясь назад, потрясенный сверх меры и советником, и тем, как он нарушал все известные правила. Это противоречило всему, чему его учили.

— Ты ожидал услышать, что ее сожгут как ведьму? Я подумываю, чтобы придержать ее до поры рядом.

— До какой поры? — насторожился Блаэн, гоня прочь от себя мысли, что же тогда представляет собой сам регент, которому советуют такие люди.

— Пока стану тебя обучать.

— Чему?

— Магии целительства, — терпеливо ответил Хелий. Он не сводил пронизательного взгляда с клирика, а вежливый и спокойный тон резал ухо несоответствием словам. — Либо ты служишь регенту, либо ты подлежишь уничтожению.

Блаэн помассировал нившие виски и выбрался из кровати. Нижняя рубашка облепила бедра и выглядела смешно, белым пятном выделяясь на волосатых ногах, похожих на грубо обтесанные бревна. Воспитанник храма в который раз молчаливо позавидовал изящному телосложению Ниэля, слегка припушенному в нужных местах, и зло поджал губы. Протопал босыми ногами по половицам и распахнул сундук, уставившись на ровные стопки одежды.

— Выбор, — глухо выдавил из себя.

— Вполне достойный, как по мне, — подтвердил Хелий, проследив за дергаными движениями подопечного. — Могло быть и хуже. Ты чист помыслами и душой, как бы смог жить с грузом вины за отнятые жизни, который чуть не повесил на себя?

Уже успел повесить, сжимаясь, подумал Блаэн о двух людях, чьи жизни так и не были им оплачены. Они ожогами лежали на его сердце, безымянные шрамы, как и от того мальчика, мольбе которого он не внял много лет назад, позволив свершиться бессмысленной казни ребенка.

Сглотнув, выдернул короткие узкие штаны, схожие с женскими панталонами, и обернулся, усилием воли возвращаясь в настоящий момент:

— А как же нарушение обетов?

Хелий внимательно смотрел на клирика, лицо которого внезапно потемнело.

— Вы сами их себе придумали. И терпите. Что ж... Может, вам это в радость.

— Это догадки и предположения! — процедил Блаэн, отказываясь признавать, что его самого частенько посещали схожие подозрения. Потряс возмущившим его предметом туалета, переключаясь теперь на него. — Это для кого? Там ниже платья отыщутся? Я похож на девицу?

— Не особо, — невозмутимо ответил целитель без намека на улыбку. — Это надевается под обычные штаны для тепла и для удобства. Для езды верхом идеально, чтобы ничего не болталось. Ты оценишь, когда перестанешь елдык щемить между собой и седлом.

Блаэн вытаращился на Хелия, потеряв дар речи, а тот, приподняв свою тунику и оттянув пояс штанов, показал, что на нем надето точно такое же исподнее. И с тем же хладнокровием привел в порядок свой наряд.

— Елдык... — враз растерявшись, сдавленным шепотом повторил Блаэн, не ожидая услышать подобное из уст пугающего советника. Отвел глаза и скомкал насмешку над штанами, так и не решив, будет ли он себя затягивать во вторую кожу. Прокашлялся, мысленно обозвал себя дураком и отвернулся, опять зарываясь в сундук в поисках чего-то более привычного, чтобы скрыть, как пылают щеки и уши, прикрытые волосами.

— Блаэн, — позвал Хелий, и Блаэн мотнул головой, что слышит. — Что тебя гнетет?

— Я не хочу это обсуждать! Вслух. Говорить... Это... — Тяжелый взгляд Блаэна остановился на плаще, перекинутом через спинку грубо сколоченного стула.

— Это насмешка над своей природой, — прервал целитель. — Суре не были чужды увлечения и порывы сердца. Она была слишком молода, поэтому не прошла через брачный обряд, но, поверь, заостенелый святоша, она была живее всех живых. Я знаю, о чем говорю, потому что знал ее саму.

Блаэн уронил челюсть повторно вместе с человеческими штанами, которые наконец разыскал в разворошенной серо-коричневой груди. Вопрос изогнул его густые брови к самым вискам.

Хелий наконец позволил себе улыбку:

— Сколько мне лет? Не помню.

Блаэн осторожно примостился на край сундука, потому что колени подогнулись. Он смотрел и смотрел на неземное лицо целителя, словно ждал, что оно рассыплется прахом прямо у него на глазах.

— Сколько... Два тысячелетия назад герцоги исчезли с лица Нарсама... Расправа над святой...

Блаэн осекся, качая головой. Улыбка родилась и умерла под взглядом целителя. Ладони упали на колени, опалив голую кожу. Почувствовав, как они трясутся, не сразу понял, что с ног до головы напряжен, как взведенная тетива.

Много слышал и видел за свою жизнь, но человек, пришедший за ним, превосходил все это, вместе взятое, в двухтысячекратном размере. Предания о святой Суре восходили в древние, большей частью забытые века, память о которых не должна была сохраниться ни у кого. Как будто в насмешку над этим настоящий целитель прямиком оттуда стоял на расстоянии вытянутой руки и повествовал о себе с поразительным пренебрежением опасностью, веющей от таких откровений.

— И я...

— Вероятно, так и будет.

— Ты не...

— Ты принесешь магическую клятву регенту. А после того бездну раз подумаешь, стоит ли оно того — открывать рот. А до того времени имей в виду, что я остановлю твое сердце, даже если почую намек на говорливость.

Упоминание магической клятвы зацепило сраженное внимание Блаэна мимоходом.

— Сура... Ответь, она умерла так, как было мне показано?

— Ее зарезали, а тело забрал огонь. Ничего иного темница показать не могла, так что да, ты видел часть настоящей истории.

Блаэн растер грудь, внезапно заболевшую в том самом месте, где из нее вышел призрачный меч. В памяти всплыла теплая улыбка, с которой умирала солнечная дева среди плача, крови и огня. Она была невероятна под ударом палача.

— За что к такой бесчеловечной смерти были приговорены все те люди? — прошептал, с содроганием вглядываясь в непроницаемые темные глаза Хелия. — А дети?

Целитель не смог ответить сразу. Он провел руками по лицу, словно тоже стирал тень прошлого, навеянную упоминанием о нем. И когда заговорил, то сделал это откровенно нехотя и предельно низким голосом:

— На возраст не смотрели, осудили приют целиком. За что? За милосердие к сиротам. К одному, в частности.

— Приют, — повторил Блаэн. Он видел храм.

— Теперь это Храм Памяти. Или храм Суры, как его зовут по-простому.

— Там погибли люди, — ошеломленно проговорил Блаэн. — А мы все топчемся по их могилам?

— Молитвы несут покой их израненным душам, — тихо заключил Хелий и отнял руки от лица. — Все же я принесу воды. Выглядишь так, будто она тебе сильно требуется. А ты пока оденься. Хотя... Твоя дева, уверен, видела много больше, чем я сейчас.

Под тихий скрежет отодвигаемой щеколды Блаэн торопливо начал натягивать штаны, мыслями при этом витая частично не в комнате. Одевался скорее по солдатской привычке споро, не допуская предстать в таком виде одновременно перед целителем и Йеной, а сам думал о том, кто такой регент, рядом с которым воскресают легенды из глубины эпох.

Поймал себя на мысли, что мало кто, и он в их числе, задумывается о личности под тяжелым дорожным плащом. Люди целиком удовлетворены существующим порядком и уверены, что регенты на посту сменяют друг друга, как и положено, а лиц не показывают во избежание покушений и давления. Регенты назначаются правильные из числа тщательно скрываемых преемников, компетенция каждого из них говорит сама за себя.

Если кого из жителей Нарсама и смущала подобная организация, он мудро держал язык при себе. Блаэн раньше старался не забивать себе голову тем, в чем разобраться не мог, но сейчас на ум пришла странная покорность магической завесы, уверенность, с какой правитель Сирамизы вел его по темнице.

Вопрос, какую роль во всем этом играет немислимый советник, не давал покоя.

Открывшаяся повторно дверь прервала размышления, и Блаэн торопливо обернулся на возглас, заканчивая вязать шнуровку, проходившую от ворота до низа туники. Охватил тревожным взглядом Йену, застывшую на пороге, и с облегчением убедился, что она цела и ей не причинен вред. Выдохнул в сторону и взялся за сапоги, довершая облачение.

Целитель не солгал, что держал ее взаперти. Она выглядела неважно, вялая и болезненной серости, ее длинные волосы потускнели и приобрели соломенную жесткость, а в глазах притаилась извечная жажда, но причина того была ему прекрасно известна, не раз наблюдал угнетение ее состояния. Ко всему прочему убедился, что Хелий услуг ей не оказывал и никого не искал для этого, что ослабило у Блаэна непреходящее натяжение и превратило в счастливого идиота.

Йена не отрывала взгляда от него. Он знал, что его самого охватил огонь при мысли о том, как она желает использовать его, и еще раз выдохнул, намного резче, а, поняв это, провел широкой ладонью по волосам в неуклюжей попытке спрятаться. На целителя не смотрел, прекрасно помня о полученном предупреждении, задевшим своей заслуженностью. Нелицеприятной, тем не менее целитель не стал юлить.

Хелий понаблюдавал еще немного. Сущность девы была ему понятна, как и инстинкт паразитировать на жизненной энергии мага, а не слабого человека, но клирик, по его мнению, отчетливо осознававший это и все равно шагнувший в пропасть, заслуживал всяческой жалости. Однако выглядел плюющим на безрадостное будущее: бородатый великан заливался румянцем и подыскивал слова, оказавшись в компании крошечной и худой девчушки. Как пара они выглядели очаровательно. Целитель даже пожалел, что это всего лишь видимость, которая в итоге разобьет одно большое сердце.

Переведя взгляд на Йену, он задумчиво сузил глаза.

— Оставлю вас, — наконец, произнес.

Блаэн едва ли услышал. Опустив голову, старался не дергать себя за бороду, не теребить шнуровку, не думать про то, что опять бросил Йену тогда, когда она нуждалась в нем, и про свою бесполезность.

— У тебя новые сапоги, — сказал, когда взгляд зацепился за добротную обновку. — Красивые.

И еще сильнее помрачнел, вспомнив, кто и за что ее заваливал подобными дорогими дарами, на которые ему пришлось бы копить лоеры немало дней. Стиснул челюсть.

— Хозяин Грокус подарил, — протянула Йена, подходя ближе. — Сказал, его жене шили, только ей уже ни к чему.

— Йена... — начал Блаэн, не отрываясь от красной как рубин кожи сапожек. И замолчал. За это время девица оказалась так близко, что мог протянуть руку и коснуться ее. — Как... Когда мы здесь оказались, ты уснула? В соседней спальне?

— Ты выдал себя, — обвинила она. — Я ничего не успела сделать. Не помнишь? — Когда Блаэн качнул головой, она стала раздраженнее: — Он мог и не знать, наугад имя назвать, а ты моментально разозлился. Он тебя тронул, а ты и повалился. Потом принес тебя сюда, а мне сказал идти к себе.

— Прости, — покаянно пробормотал Блаэн, ненавидя себя за слабость. — Его звать Хелием, и он обещал, что вреда тебе не причинит. Он отпустит тебя.

Йена сердито поджала губы.

— Мы прибыли сюда вместе.

— Ты нашла семью, — через силу возразил Блаэн, зная, что отправить ее к тем старухам будет правильно. Род Даузы может обеспечить ей будущее, с ним же... — он сильно сомневался, что оно есть у него самого. И сказал прямо: — Моя жизнь сейчас принадлежит мне даже в меньшей степени, чем когда я служил храму и армии одновременно. Я не в силах тебя защитить. Ты должна остаться в семье тех торговцев, к которым водил Неф Грокус. Они признали тебя, разоблачение тебе не грозит. Ты должна сделать так, как я тебе говорил — вступить в союз с огненным магом и жить спокойно.

— Не хочу! — выкрикнула Йена Блаэну в лицо и дернула за плетение шнурков, оттягивая его тунику. С той же силой потянула за отросшую бороду, и Блаэн послушно последовал за рукой, наклоняясь и пристальнее рассматривая все признаки истощения, пока на него орали. — Зачем мне другой союз, когда есть ты?

— Потихе.

Йена наставила на Блаэна палец. Столкнулась с глубокой синевой глаз, из-за выражения которых ей всегда хотелось стать лучше, чем была, оправдать те ожидания, которые в них читались. Вот только смирение и преданность эти воплотились в упертом верующем клирике, который никак не мог расстаться с храмовными повадками.

— Ты повернутый на своем обете святоша, который стонет так развратно, как толпа неудовлетворенных шлюх, стоит схватить тебя за причинное место! — не стерпела, а Блаэн отшатнулся как от удара. — Едва тебе стало лучше, как сразу нацепил свою праведность, лицемер!

— Не кричи, — тревожным шепотом повторил Блаэн, бросая взгляд на дверь.

Йена фыркнула, показав зубы и не подумав сбавить тон:

— Ты знаешь о том, что орешь как помешанный, когда умоляешь о продолжении? О том, как закатываются твои глаза, а из тебя брызжут лучи света вместе с твоим грехом? Ты течешь от наслаждения, покрывая меня, как жеребец кобылу, и до сих пор считаешь меня причиной всех своих бед? Я так сильно порочу тебя?

— Так я ж напротив... — в замешательстве проговорил Блаэн, не ожидая слез, которыми наполнились глаза девицы.

Она вздернула подбородок.

— Вот и пойду. — Побледнела еще сильнее и задышала чаще, пряча обиду. Отбросила шнуровку, которая прилетела Блаэну по горячей щеке. — Пойду и найду еще одного кузнеца. Нет, целую кучу Рамалей, которые...

Блаэн не дослушал, одним шагом сменя расстояние между ними, и накрыл ей рот сначала ладонью, разгорающейся, как рассветное солнце. Миг смотрел в огромные прозрачные глаза, теряясь в их лихорадочном блеске и с содроганием ощущая, как демоническая жажда суккуба откликается в нем, безболезненно вплетается в его собственное желание быть необходимым, важным, а потом перевел взгляд на свои пальцы, касавшиеся сжатых в линию губ.

— Ты...

Ведьма, пришло на ум, приворожившая его и лишившая воли к сопротивлению, перевернувшая все с ног на голову. Несмотря на устойчивость к магическим токам сам ничем не отличался от тех же юнитов с постоянного двора в Союле, что слюни роняли при виде своевольной девицы, разве что хватало ума не так явно это делать.

Он смотрел на нее, касался сухой горячей кожи, а грудь давило непрощенное воспоминание о кузнеце из Нана, подвернувшимся в подходящий момент. Сколько их было и сколько еще будет, которым она не сможет отказать. А в какой-то момент не захочет.

— Проклятие... — хмуро произнес, мечтая убить всех тех огненных магов, которые могли бы потушить ее пожар. Предупреждение целителя крутилось в голове, но рука Йены уже сдавливала его в штанах, а он не сделал и жеста, чтобы пресечь; напротив, не удержал протяжного стога, дергаясь ей навстречу. — Проклятие, — повторил и резко притянул к себе Йену, с силой сталкивая их губы, снимая со сводящего его с ума языка болезненный выдох облегчения. Они сцепились телами, руками и безрассудными желаниями, которые с некоторых пор поразительно для Блаэна дополняли друг друга.

В этот миг он забыл все, что составляло и направляло его жизнь, и безотчетно исполнял роль, отведенную ему девицей, с которой вначале недоумевал, потом ее пожалел, а она взамен лишила его покоя и показала, отчего люди совершают дурные поступки ради одной ласковой улыбки.

Блаэн не хотел, чтобы она плакала или болела. Она выглядела намного счастливее, когда хватала его за волосы, без удержу кричала под ним, запрокинув голову, а ее гладкая кожа сияла, как переливается речная гладь под луной. Ей была нужна его энергия, любая, хоть жизненная, хоть магическая, а у него ее было в избытке. И пока она будет с ним, Йена тоже будет с ним; никаких кузнецов.

— Не спеши... — взмолился, совершенно позабыв прежние свои порядочные намерения, дрожа и рассыпаясь от горячих маленьких пальцев, сжимающих его напряженный зад и притягивающих ближе некуда. Ей он нравился. Блаэн знал, что и на вид, и на ощупь он как грубо обтесанный кусок скалы, но Йена трогала его без конца и без спросу, а это что-то значило.

— Дай... — лихорадочно шептала она, дергая завязки на штанах, пока они не распустились, а плотная ткань не свалилась на сапоги, выставляя переполнявшее желание Блаэна напоказ. Он вместе с Йеной попятился назад и врезался спиной в доски, фиксируясь у стены, а Йена соскользнула с его губ, прикусила дрожавший кадык, расцарапала зубами влажную клю-

чицу, пустив мерцающую крохотными светлячками кровь, и упала вниз, хватаясь за слабеющие бедра.

Затылок Блаэна столкнулся с твердым деревом и заныл, зубы впились в нижнюю губу до онемения, а мозолистые ладони нежно зарылись в светлые волосы, удерживая голову с величайшей осторожностью и боясь причинить ей боль.

— Послушай, — прошептал, запинаясь, — послушай... Если... Это будет быстро. Йена... — От жаркого дыхания мутнело в голове, лоб Йены вдавился в его живот, рот опустился и обволок тугой влагой, и Блаэн задохнулся, до ломоты в челюсти стискивая зубы и проталкивая через них воздух, одуряющий от их запахов. А потом замолчал, потому что именно это ей и нужно было, его лекарство.

Он замер, не в силах подавить крупную дрожь, поднимавшуюся из самых глубин быстро изнемогавшего тела. Колени подгибались, и он сильнее навалился на стену, борясь со стоном, раздравшим горло и причинявшим своей невозможностью настоящие муки. Живот свело, в висках ослепительно взорвался мир и отобрал последнее дыхание, а Йена осушала его с торопливостью умирающего от жажды.

Пол качнулся под ногами, и Блаэн все же не устоял. Неуклюже сполз, чтобы усесться прямо в объятия Йены, до конца выпившей ранее ослабленные целителем силы. Уронил тяжелую голову ей на плечо и втянул в себя запах мыла, исходивший от белокурых прядок, сразу прилипших к его бороде. По нему тек пот, руки противно дрожали от слабости, поэтому оставил их лежать колодами. Вздрыгнул от ласки ногтей, пробежавших сзади по шее и зарывшихся в хорошо отросшие волосы на затылке.

— Сложно... дышать, — признался после длительного молчания. Невероятная расслабленность растекалась внутри, смывая весь жар, что пылал еще миг назад.

— Всегда так, — откликнулась Йена, довольно вздыхая. Поерзала, устраиваясь на коленях Блаэна удобнее. — Обычно ты спишь после. Может, переберемся на кровать?

Надеюсь, было достаточно тихо, отрешенно подумал Блаэн, стараясь собрать мозги в кучу, что стало крайне трудной задачей. Было лень говорить, а кровать казалась крайне привлекательным завершением помешательства. Кровь никак не успокаивалась, продолжая разгоняться по телу и опять швыряя в жар, который поутих всего чуть-чуть для передышки.

Йена заметно ожила и сминала его тунику не с намерениями вернуть одежду на место. Блаэн догадывался, что кровать она собирается использовать не с целью отдохнуть. И искренне поразился с себя, радостно восторженно от одной только мысли услужить еще.

— Йена, — прохрипел, загоняя охоту обратно и насильно переключаясь на то, что должно быть обговорено. — Тот человек, который Хелий, он меня заберет отсюда.

Йена ощутимо сдавила шею Блаэна, а голос прозвучал больше вопросительно:

— Если бы он ловил тебя с дурными намерениями, то либо передал бы в храм или убил бы, а не выхаживал. Так ведь?

Она хотела отклониться, чтобы видеть его лицо, но сидеть со спущенными штанами Блаэну, как и прежде, было неловко, потому он придавил ее спину к себе. Пощекотал бородой шею, и Йена поежилась. Оба вздрогнули.

— Ты действительно хочешь бродяжничать со мной? — пытливо спросил.

Йена прикусила губу, скользя пальцами по блестевшим от испарины буграм мышц, составлявшим плечи и видимую ей часть спины клирика. Он был огромным натренированным зверем, могущим быть жесткой и грозной силой, при этом ласковым и бесхитростным, как котенок. Это несоответствие заставляло желать его еще сильнее.

— Ты обещал, что будешь рядом, — ответила уклончиво и дернула его за волосы.

Обещал, удивился Блаэн, потираясь головой о стену.

— Ты до сих пор считаешь меня причиной своих бед! — громче обвинила Йена, дергая сильнее.

Блаэн утомленно прикрыл глаза.

— Я не считаю тебя причиной каких-либо бед. — Слукавил, но доказывать что-то девице остерегся, в споре с ней он всегда проигрывал. — Но ты могла бы попробовать... твою родню уважают в Самире, и тебя бы...

Йена сунула руку между ними и сжала его твердую плоть. Блаэн захлопнул рот на вдохе и замер, глядя в сулившие сладкий порок небесные глаза своей совратительницы.

— Ты слишком одет, а я хочу тебя видеть, — шепнула она, убедившись, что Блаэн уяснил все верно. Забралась языком ему в ухо, и он понял, что разговоры кончились.

Напрягся и задержал дыхание, моментально рассыпаясь от легких прикосновений. Взгляд невольно отыскал кровать, на которой было бы не в пример удобнее раствориться друг в друге так, чтобы забыться не на минуту, как сейчас.

Он почти нашел в себе силы встать, даже напряг руки.

А в дверь тихонько постучали.

— Советую поторопиться, — бесстрастно произнес целитель, оставаясь в коридоре. — Тутовая впадина горит.

* * *

Бесшумная тень растворилась на причале, бесследно затерялась между тавернами, кабаками, гостевыми домами и рынками; к пронесшемуся дуновению смерти не принялся даже пес, отчаянно воющий под каменным крыльцом харчевни. Среди пляски чернильных клякс на причале она появилась и пропала в ворохе шелковых одеяний, скользя дальше между людской суетой и паникой, огибая ее без единого касания, не цепляя посторонних взглядов, избегая живого потока, вытекавшего из всех дверей и хлынувшего по причалу. Этот призрак провел в мире полутонов и сумрака всю жизнь, он знал, как не привлечь к себе внимания и затеряться на виду.

Он не нашел ту, кого искал. Лишь след оставила нетерпеливая Эчей; след своего присутствия в Самире, ни к чему не ведущие на первый взгляд расспросы и горстку монет в одной из таверн, которые он конфисковал у упрямого хозяина вместе с жадной рукой и разложившейся печенью, которую и швырнул голодному псу, покидая негостеприимное заведение. Лохматый охранник был рад, Хугуру — не особо, потому что рассчитывал обнаружить в Самире саму Эчей Керату, а не лоеры без скрытого послания, и не человека, похожего на клирика, который вдруг осветил собой весь причал, а после был сбит с ног другим проходившим. С ними была дева, по описанию мертвого хозяина схожая с хилескоркой, на которую запал белый змей. То, что на причал пожаловал Блаэн Росс, выбравшийся из темницы, заставило Хугуру встревожиться. По словам Ниэля этот храмовник безошибочно вынюхивал магов, знал, кто такой Ниэль и, рассудил, что вычислить Эчей среди гостей Пелфоса ему тоже не составило бы труда. А раз она не явилась на встречу, которую сама же и назначила, то клирик приложил к этому руку.

Ее Хугуру тоже оторвал бы с великим удовольствием, однако сомневался, что ему по силам справиться с двумя храмовниками одновременно. Поэтому святошу постарался отделить от второго постояльца тощего Нефа, который, очевидно, превосходил клирика в способностях.

Искусно подведенные черной краской глаза Хугуру сосредоточенно изучали беспорядочное столпотворение, умело им созданное и направленное. Гвалт и топот множества ног, дребезжание ведрами вскорости сопровождались тревожным звоном из старой части города. Надо думать, очнулись располагавшиеся там армейские штабы, а с ними и звонари. Вскоре причал заполонят юниты, тогда прятки станут опаснее. Эта мысль заставила Хугуру поторопиться. Он нырнул в узкий вонючий проулок и взлетел по трубе на черепичный скат крыши, не скрипнув-

шей под легкими шагами. Пригибаясь и сливаясь с широкими дымоходами каминов, призраком пронесся по близко стоявшим домам, пока не очутился незамеченным на остроконечном выступе гостевого дома Грокуса. Сумрачные цвета халата сливались с грязной мглой, широкий шелковый отрез ткани покрывал голову и большую часть лица, лишь светлые глаза могли выдать его. Их убийца Гатиль держал прикрытыми черными ресницами.

Он наблюдал снаружи. Внутрь попасть не мог, квартировавшие там клирики перекрыли короткий путь через зеркала.

Он ждал, пока трое покинут безопасные стены и вклинятся в толпы, напивавшие друг на друга и наводнившие причал и проулки, где пропажа одного останется незамеченной.

Он немного сожалел о сопутствующих жертвах и старался не думать о реакции Роксила на нарушение учения гильдии. Убийство без оплаты — табу, смерть должна быть задобрена либо чужим золотом, либо собственной кровью. И Хугуру не представлял, чем ему расплатиться за тот безграничный ужас и растерянность, которые сковали лица обывателей разгульного причала Пелфос. Тихо молился безымянным демонам, чтобы этих дураков не понесло напрямик в огонь, потому что паника только набирала силу.

Оцепенело застыли у распахнутых дверей зажиточные хозяева заведений и нищие шлюхи, жмущиеся тесно, как старые друзья. Десятки выпученных пьяных глаз, ослепленных оранжевыми сполохами пожаров, слезились, промаргиваясь, их обладатели быстро трезвели и протягивали дрожащие руки к клубам едкого дыма, в котором пробивались неуловимые сладкие запахи умирающих садов тутовника.

Раскаленное удушливое марево вилося над обширными плантациями, подобных которым не было во всем Нарсаве, и которыми по праву гордилась столица Тебака, несравненный самоцвет Самир. Бьющие ввысь фонтаны огненных брызг озаряли густоту ночного фиолета над заливом, усиливая буйство черных вод реки Беллон и подчеркивая их сходство с глыбами изломанных скал.

Туговая впадина полыхала погребальным костром под непрерывный звон колоколов и многоголосый гул. Бесчисленные факелы из тутовника оглушительно шипели, пожирая едва проснувшиеся после зимней спячки соки, жадно слизывали звезды с неба и подпаливали бледную луну. От мучительной рези слезились глаза, пеплом посыпало язык и першило горло от горчившей сладости древесной смолы, щедро разносимой морскими ветрами. Хугуру плотнее прижал ткань к лицу и сморгнул пелену с глаз.

Он увидел Нефа Грокуса, бежавшего от своего дома, а с ним — нескольких постояльцев, волокших ведра; среди тех людей никто не выделялся ни ростом, ни сложением. Он не пошевелился, потому что не их ждал.

Он увидел, как одно из окон озарилось ярким светом, и некоторое время внутри номера было светло, как днем. А вот на это он обратил самое свое пристальное внимание. И чуть не пропустил чудовищно рослого человека, великана даже среди клириков и палачей, спускавшегося по ступеням крыльца. Его Хугуру сразу определил как одного из храмовников. Только этот оказался с головы до ног завернут в плащ, ни кончика носа не выглядывало из-под низко опущенного капюшона, поэтому опознать его не смог. Не уверен был, клирик Росс это либо второй, и заволновался, опять переводя взгляд на окно, успевшее потемнеть. Спуститься не мог, ибо таинственный постоялец шагу не делал от двери, будто сторожил ее. И позиция выживания не могла длиться вечно; нужно было либо действовать, либо уходить.

Уйти, не выяснив о судьбе Эчей, Хугуру не мог. Как не мог и упустить подстилку белого змея, являвшуюся то ли заложницей клирика, то ли добровольной помощницей. О ней Ниэль предупреждал, что она демонической природы и легко подтолкнет Асафí к союзу с регентом. Это приведет к тому, что они всей мощью обрушатся на известного им северянина, а там и до остальных последователей демонов доберутся.

С внезапным вдохновением Хугуру подумал, что самым удачным решением будет не допустить ее воссоединения с хранителем и пресечь любой возможный союз, обвинив в убийстве девы из Сирамизы Блаэна Росса, который уже расправился с мальчишкой огненного мага и, вероятно, сцепился с дружественными мастерам торговцами, начавшими его преследовать. Раз наплевал на обеты — сделает так и дважды, и трижды. В его виновность поверят все, особенно если у мертвого клирика не будет шанса оправдаться.

План выглядел достаточно сумасшедшим, чтобы понравиться Хугуру. Убийца глянул на козырек над крыльцом, до которого расстояние было не более его роста. Следующим изучил карниз, разделявший этажи и протянувшийся вдоль стены дома: по нему можно было перемещаться от окна до окна. Поколебался не дольше секунды и с крыши плавно соскользнул вниз, зацепившись лишь кончиками пальцев, а потом мягко приземлился на носочки кожаных сапог. Мог поклясться, что при этом не издал ни звука.

Человек в плаще вскинул голову.

Хугуру застыл одним из уродливых изваяний, прилепившихся под самой крышей, и затаил дыхание, проклиная потустороннее чутье целителей. Рука нащупала зеркало за поясом как путь к быстрому отступлению. Усилием воли заставил себя не делать необдуманных движений, пока невидимый взор прощупывал фасад гостевого дома, а когда человек успокоился, то переметнулся к ближайшему незапертому окну и проник в комнату, оказавшуюся пустой. Только там позволил себе выдохнуть и постоять некоторое время, унимая взбудораженную опасностью кровь.

Приникнув к двери, прислушался.

По ощущениям, хозяин увел за собой всех жильцов: стояла мертвая тишина, не хлопали двери, не скрипели половицы, не доносились звуки кухонной суеты. Этому Хугуру поверил не сразу, и чужую спальню покидал крайне осторожно, весь превратившись в слух. Мысленно составил план дома, отследил расположение заинтересовавшего его окна и двинулся туда, рассчитывая обнаружить второго клирика и деву поблизости. Только не успел сделать и нескольких шагов, как вздрогнул от грохота сорванной с петель двери и грубого цежения.

— Зеркал в доме нет, Неф позаботился, — прозвучал женский голос.

— Неф, значит? — раздался совсем не добрый рык, после которого деревянное полотно свободно выпало в коридор, подняв облако пыли.

Хугуру ударился спиной в чью-то запертую дверь и решил, что лучше не бежать так поспешно. Блаэн, вывалившийся из номера, уставился на него, сузив яркие синие глаза, которые и подсказали гостю, кого именно он видит.

— Что нужно? — бросил клирик, пройдя мимо и едва не снеся обвешанного тряпками постояльца плечом. В силу дурного настроения откровенно покривился от паршивой моды самирцев.

Крепко сжатые губы свидетельствовали о сильном раздражении, и Хугуру, впечатанный в стену, перевел взгляд на показавшуюся на пороге деву, очевидную причину взбешенности клирика. Светлые волосы, огромные прозрачные глаза, грешно прекрасный лик и изящное сложение — пусть и не ощущал ее пагубного зова, при том сомнений у него больше не осталось: она та, кто одним своим существованием провоцирует мужскую вражду.

На вид была очень слабой, от такой сопротивления убийца не ждал. Он метнулся к деве, которая наконец заметила, что они с клириком не одни, а ее брови изогнулись в вопросе. Прежде чем успела открыть рот, Хугуру втолкнул ее обратно в спальню и успел даже дотронуться до рукояти кинжала. Но не успел обернуть вокруг нее пальцы, не понял, как лишился их. В ушах взорвался хруст ломаемых костей, разом по доскам пронесся глухой перестук. Рука онемела по локоть. На шею опустилась тяжелая ладонь, сознание отметило вспышку света, а в груди разлился внезапный холод. Лишившись энергии, убийца повис в кулаке клирика, не

способный ни кричать, ни шевелиться. Мог лишь смотреть в глубокую синеву глаз, в глубине которых разгоралось слепящее солнце.

— Блаэн... — только и успела вскрикнуть Йена, как Блаэн оттолкнул ее за свою спину, а с неудавшегося убийцы сорвал шелковую маскировку. Затрясся весь от злости, сдавливая холодеющую шею и разглядывая незнакомый ему облик мужчины, раскрашенного как одна из дорогих шлюх. Он был молод, не больше двадцати пяти лет, только внешность и, очевидно, будущее испортили несколько шрамов, неудачно легших на смуглое лицо и еще более неудачно заживших. От них потянуло вниз левый глаз, провалилась левая щека, как бывает в результате длительного нагноения, да и нижняя губа расщелилась надвое вместе с подбородком и дальше, темная полоса протянулась по шее, скрылась под одеждой. Будто его голова встретилась с топором палача. Блаэн решил, что так и было, раз идиот завел привычку шлаться по чужим спальням с кинжалами и сомнительными намерениями.

— Блаэн! — снова попробовала дозваться Йена до Блаэна, стремительно обраставшего броней клирика из великого Храма Памяти. — Отпусти. Приди в себя, слышишь? Он же ничего не сделал. Он постоялец!

Недавно ласковый и чуткий любовник исчез, как и не было такого. Ожесточенный рык принадлежал не ему. Суровый взгляд, брошенный за спину, пробрал до костей, сведенные брови сломали черты лица. Он до того стал похож на храмовника, впервые встреченного в Сирамизе, что Йена с трудом удержала себя от бегства, начав уже пятиться.

Чужой и зловещий. По коже плелась светящаяся сетка вен, съедая четкость фигуры.

— Блаэн! — отчаянно крикнула Йена, жмурясь и закрываясь руками, чтобы не видеть, что произойдет дальше.

Хелий, дожидавшийся ее и Блаэна под гостевым домом, насторожился моментально, почувствовав выплеск магической энергии за миг до того, как он случился. Только предотвратить его не успел. Ему вместе со случайными зрителями осталось только наблюдать, как из рам здания повывлетали стекла, а следом за ними на твердые камни рухнуло тело, замотанное в слои легкой ткани, которые улеглись плавно и прикрыли изуродованный лик посмертным покрывалом.

Люди разом ахнули, отшатываясь, и все как один посмотрели наверх. Кто-то, сообразив, начал вопить и указывать на труп. Зашелестели голоса, сначала тихо, потом все громче и громче. Закричали звать юнитов.

— Блаэн Росс... — прорычал целитель, отряхиваясь от мелких осколков.

Еще больше горожан начало останавливаться, разрываясь между пожаром и очередным мертвецом, которых стало появляться слишком много в их краях. Вокруг выброшенного из окна человека быстро сбивался тесный круг. Не став дожидаться, пока с расспросами пристанут к нему, Хелий вернулся в снятый номер и там обнаружил Йену, повисшую на рваномся на улицу клирике. Она пыталась его образумить, Блаэн лишь рычал, тянясь к окну, чтобы видеть дело рук своих.

С ним будет сложнее, чем полагал, подумалось жутко уставшему советнику регента.

— Блаэн, — произнес, подавляя желание утихомирить его тут же и окончательно. Так бы и поступил, только тело, болтающееся на плече, добавит вопросов юнитам, грохот сапог которых уже различал.

Блаэн сердито дернул головой.

— Он хотел ее убить!

Хелий даже не стал выяснять, кто хотел и зачем. Тем более не допустил отбирать тело у зевак, чтобы попытаться выяснить личность напавшего.

— Уходим, — твердо сказал, хватая Блаэна за плечо, — и немедленно. Ответа я не получил, придется рискнуть и явиться неприглашенными.

— Рискнуть явиться куда? — осмелилась спросить Йена и тут же сжалась от взгляда устрашающего охотника по душу Блаэна, отбившего желание задавать вопросы.

Хелий широким шагом покинул спальню, уводя за собой клирика на поводке, скрученном из его же стремительно таявшего света. Блаэн, оглушенный спутанным сознанием, плелся за ним как пьяный. На лестнице оступился и оставшийся путь проделал кубарем, подняв страшный грохот, чем утомил своего учителя еще сильнее.

— Лошади где? — коротко спросил Хелий, поймав бросившуюся к Блаэну Йену и вздернув ее на ноги. Стал еще недовольнее от вида дрожащего подбородка и оттолкнул перепуганную деву от сваленного у подножия лестницы подопечного, который дышал рывками и подниматься не собирался. Единственное, чем он порадовал будущего наставника, так это тем, что оказался хотя бы одет. Хелий на самом деле опасался, что ему придется самолично натягивать на Блаэна штаны.

— Он мог переломаться! — опять сделала попытку коснуться клирика Йена.

— Найди повозку и пару лошадей, — дал быстрые указания Хелий, не обратив внимания на жалобный писк девы и развернув ее лицом к уличной двери. — Теплые плащи и провизию на несколько дней. Поторопись. Мне показываться нельзя, иначе мы тут застрянем надолго. У крыльца не мельтеши, мы будем ждать за этим ночлегом.

— Но... — оглянулась Йена.

Охотник на клириков приподнял голову, открывая лицо свету, и ей пришлось встретиться с пугающей темнотой глаз, один вид которых поверг в смятение. Сглотнув и испытав острое желание оказаться как можно дальше от этого человека, она быстро кивнула, схватила протянутый кошель и побежала покупать или воровать... как придется, лишь бы достать требуемое, а сам целитель в это время, не рискуя выпустить неуравновешенного клирика, потащил его обследовать задние кладовые в поисках менее оживленного хода. И начал уже всерьез сомневаться в его наличии, когда наконец обнаружил заколоченную досками дверь. Видимо, хозяин Грокус после убийства жены постарался обезопасить себя и постояльцев от тайных проникновений, и Хелий не раз помянул его осмотрительность, пока пробивал им с Блаэном выход наружу. Сам Блаэн висел на нем неподъемным грузом, тяжело ворочая мозгами и норовя рухнуть, едва оказывался предоставлен сам себе. Хелий не мог усыпить его и не мог вернуть свободу воли, а потому искренне обрадовался подкатившему в скором времени вместительному дорожному экипажу, запряженному парой крепких лошадок. Недоуменно глянул на извозчика, сидевшего с дурной улыбкой на заспанном лице, потом решил, что средство передвижения предназначено не им, и уже допустил стащить неудачника с козел, как занавески взметнулись, мелькнуло знакомое напряженное лицо, а следом открылась дверца, и с подножки спустилась Йена, стараясь не глядеть ни на извозчика, ни на реакцию Блаэна на очередного поклонника, который на лоеры и смотреть не стал, окрыленный иными желаниями. Прицепился и клялся, что доставит куда нужно и немедленно.

— Без него не вышло, — извиняясь, пробормотала в надежде, что Хелий справится с помехой. — Везде полная неразбериха...

Причал действительно не спал и звенел на все лады, звуча лязгом, грохотом колес и ржанием лошадей.

Хелий перевел взгляд с Йены на вывернувшего шею мужика, от поедания девы глазами готового перейти к более смелому знакомству, и вздохнул. Блаэна прислонил к стенке кузова, после чего поманил извозчика к себе, и тот с готовностью соскочил на землю. Лошади нервничали, переступая копытами и раздувая ноздри. Косились в сторону залива, чувствуя витающие в воздухе гарь и тревогу, резко взмахивали хвостами. Они могли в любую секунду сорваться с места в самовыгул.

— Править сможешь? — спросил он Йену, и по ее виду понял, что нет. Еще раз глянул на дурного извозчика, глаз с девы не сводившего, и издал вздох тягостнее, столкнувшись с

поставившей его в тупик ситуацией. — Лезь на скамью и возьми вожжи, — распорядился. Видя, что дева глупо таращится на него, сухо добавил: — Просто сиди и придержи лошадей, чтобы не побежали. Я сменю тебя, как... управлюсь здесь.

Йена с облегчением оббежала экипаж и забралась на передок. Хелий расслышал ее сбивчивые уговоры животных стоять на месте, а сам удержал мужика, который развернулся обратно к козлам.

— Принеси сундук оттуда, — властно велел, указывая на покалеченную заднюю дверь гостевого дома. Извозчик, вынужденный заметить помимо себя других мужчин, с подозрением уставился на темноту под капюшоном, заглянул внутрь и ничего не увидел. Весь покрылся зябкими мурашками, нахмурился, а на лице начало проступать дремлющее до того сознание.

— Господин? — неуверенно произнес, вдруг вспомнив о разбушевавшемся пожаре, которому взяться было неоткуда по ранней весне, о толпе под окнами этого самого дома. Подумав немного, связал напасть на причале с поспешностью и скрытностью, с которой частично одетые господа стремились убраться подальше от постоянного двора. И задал удивительно разумный вопрос: — А куда направляемся-то?

— Сундук, — настойчиво повторил Хелий, краем глаза замечая, что Блаэн вот-вот сползет в грязь, а извозчик включил голову и вот-вот поднимет крик.

Самирец прозревал быстро. Испытывать степень его очарованности Йеной целитель не мог и без дальнейших разговоров послал по его телу искру, нарушив ток крови, отчего глаза извозчика закатились, а он сам сполз на землю. С дороги Хелий его отодвинул, чтобы не наступил кто в темноте раньше времени, Блаэна затолкал в экипаж и во избежание возмущений с его стороны убедился, что в ближайшее время проблем оттуда не будет. Бесчувственное тело постарался уложить на оббитое мягким бархатом сиденье, достаточно широкое для клирика, только вот ноги не уместились даже в согнутом положении; время поджимало, поэтому бросил их свисать к полу. Мимоходом задумался, какой зажиточный горожанин лишился своего имущества.

— Запасы, — только спросил, делая знак деве перебираться в кузов и приглядывать за Блаэном.

— Позади багажное отделение, все там, — не поднимая глаз, поспешила отчитаться она, пока отползала к краю сиденья. Хелий оценил, что на нем она не пробовала испытать свои трюки и тем самым добиться расположения.

Он кивнул и взял в руки вожжи. Дождался, пока Йена усядется к Блаэну, и тронул лошадей. Выдерживал размеренный темп, стараясь не гнать хотя бы в пределах причала и держаться задворков. Встреча с юнитами в его планы не входила, тем более в подобной ситуации, когда он, как доверенное лицо регента, должен был принять участие в наведении порядка в городе. Именно поэтому не стал заявлять о себе, нанеся визит тайно и исчезнув сразу после этого. Регент дал четкие указания, и советник прилагал усилия, чтобы им следовать, тогда как клирик, в свою очередь, из кожи вон лез, чтобы быть отловленным, опознанным и расставшимся с жизнью.

Хелий еще не понял, как ему быть с Йеной, которая то и дело провоцировала неприятности, поэтому положился на привычку не оставлять без присмотра чересчур осведомленных людей. Удивился лишь, что она по собственному желанию следует за клириком. Обычно демоны похоти живут себе в угоду, но отношения Блаэна Росса и его ручного суккуба развивались по странным правилам, и, признался себе, что ему было любопытно их наблюдать.

Все же клирика, воспитанного в Храме Памяти, нельзя было назвать заурядным. Насколько советнику было известно, досуг большинства служителей отличался разнообразием, до чего не было дела ни Суре, ни регенту. Блаэн Росс же находился в том меньшинстве, которое строго следовало храмовным учениям.

— Фанатик, — вслух дал название явлению советник, так и не зная, как отнестись к тому, что ему придется кого-то наставлять; крупницы бездны, заключенные в темнице, давным-давно перестали с подобной щедростью отмечать людей. А то, что в учениках окажется твердолобый идеалист, отчаянно казнивший себя из-за нарушенных обетов, и вовсе не вдохновляло, потому что упертости тому было не занимать.

В итоге сдался и переключил внимание на сужавшийся порог причала, превращавшийся в обычный широкий тракт, соединивший свободные нравы дерзкого Пелфоса с исполненным достоинства Самиром. От той дороги сбегали более скромные съезды, уводившие севернее, к Базальтовому морю, восточнее, огибая Самир и ложась в направлении Сирамизы. Ему же были нужны самые юго-восточные окраины, точка слияния границ Тебака, Раксаки и Дакайтоса. Хелий направил лошадей вверх по течению Беллона, рассчитывая избежать проездов через большие и шумные города и их не менее многолюдные предместья. Не стал придерживаться крученых дорог, уводящих туда и наматывающих круги вокруг холмов и лугов, а двинулся наискось по земле, прокладывая новую дорогу среди зеленевшего плоскогорья, поросшего низким одиночным кустарником.

Дикие территории западных пределов подходили разве что для охотников за циолием, иногда там попадались небольшие поселения, обустроенные теми же охотниками и их семьями. Торговля в тех краях не процветала, из армейских были только блокпосты и несколько сторожевых башен; им на глаза попадаться не обязательно. А еще простиралось огромное количество древних могильников; Хелий не забыл тех, кто обрел там свое последнее пристанище во времена герцогских войн. Берега Беллона и его рукавов до сих пор усеяны песком из людских костей и останков магических выродков. А некоторые порождения герцогских опытов сохранились, и теперь охотятся на самих трофейщиков. Запад Тебака, что всем известно, раздолье для сумасшедших авантюристов, заигрывающих со смертью.

Поэтому слишком близко к реке Хелий тоже не планировал прижиматься, а выбрал срединный путь, вдоль хребта Адрос, протянувшегося от Самира на юго-восток. Он, весь изрезанный, как кость — безжалостным временем и песками, щерился множеством отрогов, через которые пролегали перевалы к Дакайтосу. Однако те переходы грозили кое-чем опаснее неверных тропок и каменных осыпей: южные склоны горной цепи находились под контролем крылатых амуксов, чьи атрофированные лапы не выдерживали чудовищный вес сов-переростков, оттого передвигались они ползком, помогая себе когтями крыльев, ими же цеплялись за скалы и добывали из расселин толстых дермитов или накалывали на острия глупых путников. Сражаться с ними за проход Хелий желанием не горел, хотя, если перейти границу владений, то по окраинному северу Дакайтоса дорога была много спокойнее и ровнее. Вместо этого лошадям пришлось тащить громоздкий экипаж по раскисшей грязище между низкими холмами, поросшими колючим барбарисом и можжевельником. За первые дни он перебрал весь говор подворотней, бывший в обиходе в Нане, а когда уставшие животные перестали реагировать на окрики и плелись от одного островка травы к другому, начал цедить проклятия на древнем, от звучания которых Йена переставала глазеть на окрестности и старалась затеряться в темноте кузова.

Блаэн лежал пластом большую часть времени, послабление получая исключительно для подкрепления и нескольких минут вне экипажа, после чего Хелий возвращал его еще более придушенным. Йена подозревала, что в моменты продыха Блаэн пытался отобрать контроль над собой, только проводнику это было невыгодно. Их спутник пугал ее своим бездушием все сильнее. Место назначения он хранил в тайне, игнорируя заданные вскользь вопросы и пресекая попытки выведать конечный пункт напрямую. Не раз Йену посещали мысли, что выскользни она из экипажа, то сможет сбегать и спрятаться от тяжести, плескавшейся вокруг высокого человека в плаще, которая глушила волю к жизни не только в клирике, но и в ней самой.

А потом смотрела на Блаэна, на его закрытые глаза, на беспомощное тело, небрежно брошенное на сиденье, укладывала его голову себе на колени и трогала грубые шрамы, которыми одарили его годы служения Нарсаму, расчесывала спутанную бороду, пока не засыпала.

Спустя еще два дня она почувствовала себя больной и на остановке с трудом спустилась с подножки, неверными руками хватаясь сначала за дверцу, а после некоторого промедления со стороны Хелия — и за его руку в перчатке, придерживавшую при спуске на землю. Выражения лица, укрытого густой тенью, не видела, да и не старалась смотреть. Хотела бы и оказаться как можно дальше от этого человека, только Блаэн послужить опорой не мог в очередном незнакомом мире.

Йена подавленно уставилась на далекую размытую дымку, просвечивающую кривыми силуэтами кустов, которая пушисто накрывала холмы и уползала в неразличимую даль, разглаживая пейзаж в единое полотно. Теперь ей не убежать, даже если сильно захочет, ноги не те, слабость точила все тело и дурманила голову.

— Думаю... — произнес Хелий после паузы, в течение которой смотрел на открытую дверцу экипажа. Йена вздрогнула и попыталась отнять руку. Спутник сжал ее крепче и окинул взглядом окрестности, на самом деле очаровательные в своем весеннем периоде пробуждения. — Думаю, — повторил, — я могу вас оставить ненадолго. Проверю состояние дороги. Если ее не размыло, то завернем в Хашс, поужинаем горячим и переночуем под крышей. Вы голодны и устали.

Йена недоверчиво слушала, не понимая, с чего бы им вдруг искать людского общества после многих дней избегания его.

— Ты оставишь меня там? — выдавила, глядя себе в ноги, где из-под испачканного подола выглядывали еще более грязные, потерявшие цвет и форму сапожки. О чем она сейчас думала — Хелий не смог бы сказать. Но в голосе ее проскальзывали просящие интонации: — Ты заберешь его, как Блаэн и сказал? Куда?

Целитель про себя усмехнулся ее сильному желанию не расставаться с клириком. Он предоставил деве не один шанс пуститься в бега и найти покровительство где угодно, однако изо дня в день она поражала, не выпуская из увядающих рук ни к чему не пригодного в данный момент клирика. Улыбнулся под покровом капюшона шире, припомнив, что с таким же упрямством светлоокая блудница утягивала храмовного служителя с глаз разъяренного хранителя Сидэ.

Сдался он ей, сказал бы раньше.

Чем же это закончится, говорил теперь.

— Скоро вернусь, — вслух ответил. — Не шумите вдвоем. Здесь повсюду норы дермитов, эти черви, ручаюсь, вам не понравятся. А если останемся без лошадей...

Многозначительно умолк и пошел вперед, бросив опешившую Йену в грязи дороги сторожить животных и клирика.

Не сразу до нее дошло, что он будет находиться поблизости, а сухим сообщением дал понять, что время ей следует потратить с пользой и перестать валиться с ног. Если вдобавок это пойдет на пользу и Блаэну, если он обуздает ярость своего света, как сделал это на дирижабле, то есть шанс, что на оставшийся отрезок пути он будет возвращен в сознание.

В замысле Хелия она убедилась окончательно, вернувшись в экипаж и обнаружив, что Блаэну была возвращена свобода воли. Он успел к тому времени сесть и, упершись затылком в угол между стенками, уставился невидящим взглядом в пол, заляпанный месивом из глины и подсохших кусков грязи.

— Мы не в Самире, — подытожил он после мучительных раздумий, поднимая незамутненный взгляд на застывший свет силуэт в проеме. И заметно расслабился, увидев Йену.

— Нет.

— Ты здесь, — еще тише проговорил Блаэн, пряча за удивлением охватившее его облегчение.

— После того, как ты в очередной раз...

— Я помню, — перебил Йену Блаэн. Обхватив голову руками, пригнулся к коленям и смотрел, как она закрывает дверцу экипажа и располагается на сиденье напротив. — Я убил человека. — Совсем глухо добавил: — Еще одного. Поражен, что ты... Не убежала от меня.

— Ты думал, что он мне угрожает, — важно заявила Йена, расправляя юбки так, чтобы спрятать грязь на подоле. — Мне нравится, как ты заботишься обо мне.

— Я не могу иначе! — процедил Блаэн, выпрямляя спину и невольно следя за мельтешащими руками девицы. — Куда деваются твои глаза при виде мужских штанов? У него в кулаке был зажат кинжал, а не пара прелестных сапожек!

Йена моргнула и оставила одежду в покое. Против воли сунула ноги под сиденье с глаз долой, после чего сердито поджала губы, уставившись на Блаэна в упор. С трудом не утонула в ярких синих цветах, напомнивших луга густо растущих васильков.

— Неф — мой родич! — прочистив горло, отрезала, не обращая внимания на то, как темнеет клирик. — Как в голову пришло ревновать к нему, бесстыжий ты проповедник?

Блаэн вскинул голову, косясь то ли на девицу, то ли на опущенные занавески экипажа.

— Ревновать? — переспросил голосом, полным неуверенного протеста. — Придумала тоже. Мне это не позволено.

— То-то же женой меня звал! — закричала Йена, позабыв о предупреждении проводника не шуметь, как и о неких загадочных дермитах.

Блаэн со стуком откинулся назад и протянул выдававшими его внутреннее дрожание ладонями по обросшему лицу, путаясь в зарослях жестких волос.

— То было сделано под давлением обстоятельств, — выдавил полуправду. По поводу бесстыжего протестовать не стал, это точно было про него. — А тот человек хотел тебя убить, пока ты глазами хлопала!

— А ты убил его, — заключила девица, которую болтовня Блаэна вместо действий доводила до зубового скрежета. Усталость растекалась по телу сковывающими путами, а любовник вместо того, чтобы помочь, едва открыв глаза, принялся отчитывать, так что в голосе ее прозвучала схожая враждебность: — И что я должна сделать, кроме как поблагодарить тебя за спасение?

Несколько мгновений Блаэн таращился на Йену, не понимая, когда успел вызвать ее гнев.

— Святая Сура...

— Я не твоя драгоценная святая! — желчно прошипела Йена, показав зубы. Настроение испортилось вконец, теперь бы она не прикоснулась к клирику даже под страхом смерти. И эта переборчивость стала для нее самой в новинку, отчего разозлилась на доведшего до этого человека еще сильнее. Посоветовала без раздумий: — Иди к своей славной покойнице, храмовник, со своим занудством, пусть она и слушает!

Громкий стук по внешней стенке экипажа заставил ее прикусить язык и вспомнить, что есть еще третий человек, поручивший ей конкретное задание.

— Выйди, — прозвучал отчетливый холод в голосе Хелия. Блаэн шевельнулся. — Не ты. Йена раздраженно приподняла юбки, выставив сапоги, доводившие Блаэна до сумасшествия, напоказ. Убедилась, что клирик их увидел.

— Иду!

Хелий возвышался у экипажа как грозная расправа. Полы дорожного плаща тяжело хлопали о голенища сапог, провал капюшона дышал острым неудовольствием. Подождав, пока дева выберется наружу, с силой прихлопнул дверь, отрезав их от клирика.

Испуганно заржали лошади, потянув экипаж.

— И что? — спросил сумрачный проводник, придержав вожжи.

— Я не стану, — упрямо пробурчала в сторону Йена, не найдя смелости глянуть прямо туда, где скрывалось лицо.

— Какое благородное и в корне неверное решение, — с заметной иронией прокомментировал Хелий. Брови девы сдвинулись сильнее, а он продолжил: — Его энергия бьет через край, ты вот-вот рухнешь. Мы на враждебных территориях рядом с поселением, полным охочих до женской ласки мужчин. Охотники вспыльчивые и живут одним днем, большинство одиноких, угождать, как в культурных городах, они не станут. А если Блаэн полезет за тебя в драку, то хорошего ничего не выйдет. А я уверен, что полезет.

— Он не такой! — выпалила Йена, хотя уверена была в обратном: Блаэн собой не будет, если не устроит побоище.

Хелий насмешливо вскинул брови.

— Я буду молчать и не смею оказываться близко к жителям, тем более кружить им головы, — с большой неохотой буркнула Йена, припомнив наказания Блаэна.

Хелий вздохнул.

— Помимо людей здесь обитают хищники, которые отличаются от известной горожанам живности. И шуметь здесь не следует. Поэтому я настаиваю на методе умирения вас обоих, к которому вы не раз прибегали.

Йена с подозрением огляделась, призадумавшись о том, какими такими дермитами ее пугают, и чем они могут помешать; перед ними просыпался смутный страх. Низкий тягучий голос прятавшегося под одеждой человека пробирал до дрожи в ногах. Йена прислонилась к экипажу, ощущая к тому же страшную усталость от лихорадки, вплетавшейся в каждое движение.

Хелий прав, подумалось ей. И Блаэн ранее подробно объяснял, почему так происходит. И все же настроения стали играть значительную роль в их с храмовником взаимопомощи.

Она провела рукой по влажному лбу, а целитель уловил море отчаяния в этом жесте.

— А лошадям нужен отдых, — подчеркнул Хелий строже, борясь с желанием втолкнуть строптивую деву насильно в неуравновешенные руки клирика, которому в голову приходили мысли одна исключительнее другой. — Поэтому пройду еще. Сделай, что должно, иначе усыплю обоих, — пригрозил, настойчиво возвращая внимание бестии-полукровки к своим словам. — Тогда о горячей пище и тепле огня можете забыть, я наслажусь этим в компании лошадей.

Ей следовало остудить гнев и послушаться совета. Однако по возвращении в экипаж первые же слова Блаэна перечеркнули намеченное перемирие.

— Я не стану делать это по приказу, — объявил он, как только Йена уселась. Не стал притворяться, что не слышал указаний насчет себя.

— Это, — в тон ему язвительно передразнила Йена, отодвигаясь как можно дальше и стараясь не расплакаться у клирика на глазах. — Подавись своей светлой милостыней, храмовный лицемер! На случай, если у тебя беда с памятью, напомним, сколько времени ты воротил нос, а как прижало, так сразу штаны с себя и стащил!

— Йена...

— В Союле оставить не смог, и в Нане! — не замедлила она перечислить все его огрехи.

Блаэн тяжело смотрел на девицу, мысли о которой, оставленной на произвол жителей города, вывернули всю душу, пока блуждал в темнице Нана, а потому совесть не позволяла ей возразить. В то время еще гадал, суждено ли ему и дальше нести службу, закрыты ли все иные пути.

Теперь же знал это точно, от регента и его всесильного советника живым ему не уйти. По глупости своей получив наивысший свет исцеления, он получил и распорядителей этим даром и собой заодно как носителем.

— Перестань, — поспешно проговорил, гоня прочь свои мотивы, ронявшие честь служителя Суры. — У тебя скверный язык.

— Разве мой недостойный язык на твоём запретном мече приводил тебя в священный ужас? — взвилась Йена, сверкая невозможными небесными глазами. Блаэн задохнулся от её откровенности, неловко застыв с открытым ртом. — Ты подвываешь от страха, стоит ему там оказаться?

Клирик, подстегиваемый бессовестными намеками, начал горячиться подобно сидящей напротив девице.

— А ты, верно, стенаешь от боли, с охотой насаживаясь на тот самый меч клирика при каждом подвернувшемся случае? — прорычал в ответ, вскидывая брови.

Йена демонстративно опустила глаза, проследив от взмокшего дергавшегося горла вниз по учащенно вздымавшейся груди, и впиалась взглядом в пах, к потрясению Блаэна отозвавшийся сильной пульсацией на крохотную улыбку, приподнявшую бледные губы девицы.

Она определенно знала, как заставить его пожалеть о своих словах.

— О да, я почувствовал твою месть, — с угрозой процедил Блаэн, быстро перемещаясь на противоположное сиденье и хватая Йену за подбородок. Она попыталась вырваться, Блаэн приблизил к ней лицо, подмечая поток слез, грозивших вот-вот прорваться. И тогда голос его смягчился, а пальцы из грубых тисков обратились крепостью объятий и перестали неровными толчками освещать её горячую кожу, вместо того пробудившийся свет пролился мягкой лаской. — Йена... Я... был груб. И я благодарен. За то, что ты все еще здесь, — бесхитростно закончил, не зная, как оправдаться еще. — Однако это неправильно — использовать тебя, как и все до меня. Тот человек, Хелий, он...

Йена, не дослушав, резко ударила его по руке и отвернулась. Блаэн вздохнул, проклиная себя за природный талант испортить любую близость.

— Хелий сказал, что я должен контролировать себя сам, а не зависеть от твоих... твоей... — Пожевав щеку, завершил мысль скованно: — В общем, утоление похоти не выход.

— Да что ты! — фальшиво промурлыкала Йена, шурясь и в тот момент отчаянно жалея, что не бросила клирика в Самире, а потащилась следом на необжитые просторы в надежде на то, что он и дальше будет смотреть на нее как на огонь своей души. — Моей или твоей похоти?

Губы Блаэна скривились. И не успел он толком подумать, как оказались на Йене, оборвав возмущенный писк и втягивая её язык в приятный им двоим танец. Ожидал встретить сопротивление, только его не было, оттого расслабился. Она даже подарила несколько восхитительных мгновений и трепет в животе. Блаэн едва успел почувствовать запах Йены, который туманил голову, в своих легких, как резкая боль выдернула в настоящее.

Она его укусила.

Он быстро отшатнулся, отведав обиду девицы во вкусе своей крови. Натолкнулся на колючий взгляд и счел за лучшее не повторять, только коснулся своей нижней губы и ощупал припухшую ранку; исцелять не стал, решив, что заслужил это.

Как бы он ни старался, а результат объяснений выходил жалкий.

Укус саднил, но этого до странности казалось мало. Блаэн, осознав несогласованность между собственными речами и поступками, моментально вспыхнул, что стало заметно даже в сумраке зашторенного экипажа. Йена испытала злорадное наслаждение от его мук совести и подчеркнуто наблюдала, как бледное лицо уродуется заметными пятнами, а затруднение от разговора срывается вспышками света, поселившегося в венах клирика.

Блаэн провел пальцами по губам, стирая вновь выступившие капельки крови и проклиная ситуацию, в которой он частично вернулся к храму, а частично оказался парализован без четких указаний, кто он теперь, и что ему позволено. Понимал только, что разрываться между подчинением регенту и помешательством на суккубе никто ему не позволит.

Он сдавленно простонал, рассыпаясь на части от разочарования.

Лишенный гладкости свет, которого быть не должно, и повышенные тона в конце концов привлекли внимание их проводника, и Хелий распахнул дверцу, озарив внутренности экипажа дневным светом и разбавив повисшее тягостное молчание свежим воздухом, дрожавшим от тысяч маленьких прозрачных крыльев насекомых. Глянул на подобравшуюся Йену, на ярко горевшего клирика, каждая жилка в теле которого трещала от напряжения. Надеялся на путешествие в более спокойной обстановке, даже готов был предоставить послабление, толком не вникнув в отношения клирика и суккуба. Они поразительно держались друг друга, при этом выглядя готовыми растерзать один другого. Кто начал — не ясно, раздор между ними стусился до осязаемого состояния.

— Я предупредил, и не единожды, — ровно заметил, прожигая взглядом деву, до которой начали доходить последствия первее, чем до Блаэна. И, не успевшая она запротестовать, как обоих погрузил в глубокий сон, как и обещал. Блаэна вернул в ранее занимаемую им скрученную позу, деву уместил на сиденье полностью: ей повезло с размерами, не будет все тело ломить после пробуждения. — Мой регент, чем же я вам так не угодил? — с досадой пробормотал, закончив работу и запирая в экипаже двоих, обещавших разнообразить его обязанности советника, к которым он привык за много веков и не особо просил о переменах.

Дальнейший путь проходил в молчании. Земля, щедро напитанная влагой, заметно проседала под тяжестью громоздкой повозки, колеса натужно поскрипывали, с чавканьем прокручиваясь в глинистой почве. Тягостные раздумья советника вскоре были прерваны появлением лужицы, проглянувшей среди расступившегося кустарника. Она густо заросла бритвенно острыми молодыми побегами камыша, водные границы грязного разлива маскировала ряска, вызывая смутное беспокойство при приближении. Хелий вовремя натянул вожжи, замедляя ход, и некоторое время вглядывался в болотную зелень, где лопались нарывы, вскрывая протухшую гниль трясин. Зловоние, распространявшееся оттуда, травило воздух, стоячие воды поглощали солнечные лучи. Над мутью вились тучи мошкары.

В коварные топи лезть с таким прицепом, как у него, было чистым самоубийством, и Хелий обратил свой взор южнее, где почва была каменистой, а ближние пологие отроги Адроса мягко тонули в облачных океанах. Он на самом деле склонялся было ехать мимо, однако простая проверка выбившихся из сил лошадей показала, что к ночи он рискует впрягаться в экипаж сам: безжалостные условия не щадили животных, они с трудом вытягивали копыта из земли.

Неохотно Хелий взял курс на Хашс, рассчитывая переночевать в крохотной деревеньке. От топей до поселения оставалось рукой подать, и уже к закату в туманных предгорьях проступили темные очертания высоких цельностоловых стен, окружавших жилища на сотню чело- век, не больше. Дома там были наглухо закрыты ставнями, приземистые, прилизанные непре- кращавшимися горно-долинными ветрами, от сквозняков дым стелился по земле. Тропки между делянками прятались от амуков в темноте, путались между домами и порастали мягкой травой, глушившей любые шаги. Молчаливая скотина днем паслась под самыми стенами, в темное время суток запиралась в каменных сараях. Даже куры были на удивление тихи. Жизнь здесь шепталась за закрытыми дверями: дермитов, слепых циолиево-кольчужных чер-вей, никто не желал ловить в своем доме. Хелию было известно, что этих далеко не беззащит- ных тварей охотники приманивали тухлятиной дальше от селения, в испещренных норами полях, где он почти утопил в грязи экипаж; при этом люди сами нередко превращались в добычу.

Он бывал здесь ранее, и не единожды. С опытными охотниками толковал об угрозе в горах, и с редкими женщинами, бывшими под стать отцам, мужьям и братьям, спавшими с кинжалами, — о перспективах быта. При этом лица советника никто не видел, а потому Хелий свой приметный плащ убрал в сундук, а оттуда достал светлые одеяния храмовного служителя прежде, чем местные, внимательные к чужакам, признали в нем посланника регента и рас-

строили ему намеченное задание. Задерживаться ему нельзя было. К тому моменту, как экипаж остановился у крепких ворот, он уже перевоплотился в клирика, перевозившего больных. Хмурым охотникам, несшим вахту этим вечером, свесившимся с зубцов внутреннего обхода, так и ответил на вопрос, что забыли здесь отчаянные дураки.

Один из сторожей, разобрав приглушенное упоминание о клирике, с забора исчез в мгновение ока, остальные продолжили наблюдать за прибывшими. Хелий мог бы поклясться, что его небольшой отряд находится под прицелом арбалетов, а наконечники коротких стрел легко пробьют толстые стены экипажа вместе с теми, кто внутри, если людям что-то померещится. Поэтому стоял без движения до тех пор, пока не увидел голову старика Фаргоса, старейшины Хашса. Оставивший промысел из-за полученных увечий старый трофейщик взмахнул рукой, а советник послушно вздернул кисть, освещая пространство вокруг слабым светом и являя узнаваемую магию целительства. Лишь получив наглядное подтверждение того, что к ним забрел не самозванец, жители, наконец, впустили путников, а Хелий украдкой перевел дух, оказавшись в окружении не совсем надежных, но все же стен, и в компании живых людей, едва видимых в свете крохотной искры, и той зажатой в кулаке одного из неулыбчивых охотников; его собственный слух болезненно царапали взмахи крыльев, шелестевших над неприступными утесами Адроса, и он прекрасно понимал нежелание привлекать внимание обладателей тех крыльев.

Опасностью и осторожностью пронизано было все вокруг.

— Лихорадка, — вполголоса опередил он вопрос поселенцев, кивнув на кусок грязи, каким стал экипаж. — Двое, семейные. По возможности прошу выделить им отдельный угол и держаться подальше. Лошадям требуется отдых, иначе не стали бы вас беспокоить. Утром мы уйдем. За приют заплачу.

— Куда везешь их, святой человек? — поинтересовался старейшина, делая знак заняться животными, и отделившийся от молчаливой кучки человек повел упряжку к ближайшему темному коробу, который, давно опустевший, мог быть предложен в качестве ночлега гостям.

Хелий ненавязчиво окинул взглядом меховые тулупы глазевших на него деревенских, плотно выглядевшие штаны, достающие до колен сапоги, и подумал, что не мешало бы такими одеждами разжиться. Его самого пробирал ветер под развевающимися слоями торжественной мантии, предназначенной для обозначения статуса, но не для повседневной носки.

— Дакайтос, — выбрал целитель место наобум, а сам гадал, что бы такого предложить за местный наряд. — Перейдем границу через ущелье Нейн. Опасаюсь я поветрия, а там целители искусные есть.

Если старейшине и показалось странным, что тяжелобольных перевозят вместо того, чтобы вызвать к ним здорового клирика, то виду он не подал, рассудив, что никто отчитываться перед ним не должен. Да и суровый клирик вел себя натянуто, будто недоволен был тем, что под воротами продержали.

— Сам-то посетишь мой дом? — предложил в надежде смягчить впечатление служителя храма от оказанного приема. — Вести хотелось бы узнать. Откуда вы?

— Самир, — негромко обронил Хелий, решив, что город немаленький, и если есть здесь бывшие самирцы, то в обмане его не уличат. И добавил: — Лоеров у меня, правда, немного, но есть несколько бутылей вина и соль. Если сообразовоите принять их как благодарность.

— Вино, — с заметным облегчением усмехнулся старик, окинув острым взглядом заднее отделение отъехавшей повозки. — Роскошь для Хашса. — И сделал приглашающий жест перед собой. — Как разместите подопечных — прошу с вином в мой дом, господин клирик.

* * *

Блаэн глаза открыл резко, как не пролежал день замершей колодой. В полнейшей темноте обострившийся слух прощупал враждебное затишье, а избавленный от чужого влияния разум спешил восстановить обрывочные фрагменты памяти и связать их воедино.

Он не двигался, осязая пространство другими чувствами. Отсутствие давящей тесноты подсказало, что он не в экипаже, а по ритму дыхания, касавшегося кожи, узнал Йену, прижавшуюся к нему в поисках тепла. Их ложе не потряхивалось, отчего предположил, что советник куда-то их довез и сгрузил. Без присмотра надолго не оставил бы, следовательно, находился неподалеку. И, его подопечный очень надеялся, что тоже встревожен глубинной дрожью, имевшей своим началом саму землю под ногами.

Клирик осторожно встряхнул девицу. Йена в ответ зарылась лицом глубже в его тунуку.

— Йена, — прошептал Блаэн, медленно переворачиваясь на бок и садясь. Ощущение было такое, будто глубоко под ними оживала земля, перекатываясь мягкими волнами. Если бы он понимал, что это за местность, возможно, представлял бы, с чем придется столкнуться — с обвалом, подземными бурями или чем-то иным.

— Йена...

Она заползла под меховое покрывало, которым кто-то их накрыл. Холодина стояла жуткая, у нее зубы стучали во сне.

Блаэн усилием воли подавил собственную дрожь и повел глазами по черноте, гоня прочь липкий страх того, что советник полностью лишил его зрения; не мог различить даже пылинки света. Сконцентрировавшись, нащупал тогда в себе светлые потоки, могущие помочь, и направил их в ладони, которые обычно возлагал на больных. Лишь после этого смог разглядеть пришедший в запустение закут с соломенным тюфяком, брошенным прямо на холодный пол, плотно затканые паутиной прогнившие балки и почерневшие от сырости доски стен, с которых гроздьями свисали пыльные серые лохмотья. Неизвестно, кем их представил советник, но отнеслись к ним как к безнадежным прокаженным, которым не встретить следующего рассвета, а потому и условий создать не стремились.

Блаэн скрипнул зубами, отметив мрачный юмор советника.

Он потянул вниз мех, в который закуталась девица, отвел пряди волос с ее лица, после чего возложил слабо светящуюся ладонь на ее влажный лоб, радуясь, что свет ему подчиняется в мере достаточной, чтобы не крушить последнюю крышу над головой.

Горячка Йены и упорное нежелание просыпаться ему не понравились.

А еще больше не понравилась неровная, гулкая дрожь, сотрясая ветхое домишко до самого основания, и Блаэн в прыжке очутился на ногах, с лихорадочно колотящимся сердцем вглядываясь в угольную сажу, размазанную по углам, которая, к его ужасу, вдруг разлилась потоками грязи, а следом взорвалась фонтаном земли и досок, утопив все в чудовищных раскатах грохота.

У Блаэна моментально заложило уши.

Повторно содрогнулся весь домик, со зловещим скрипом следом сложилась и рухнула крыша, отдавшись болью в плохо что понимающей голове.

Где-то начал нарастать крик.

Мелкие щепки искололи лицо, взметнувшаяся туча вонючей пыли окатила с головы до ног, и клирик сложился пополам, отплевываясь и отыскивая в непроглядной пелене Йену; выхватил ее из-под завалов. Рывком отряхнулся, шурясь и упорно направляя раскрытую ладонь перед собой, пока в разгоравшемся потоке чистого света его изумленному взору представало нечто аспидное, блестящее и изворотливое, протискивающее в дыру размером с городской колодец маслянистый студень из колец.

Блаэн локтем попал себе в широко раскрытый глаз, торопясь убрать оттуда мусор.

Зрелище магической твари не поддавалось его пониманию и не шло ни в какое сравнение с цветущей лисицей схожего происхождения, с которой ему пришлось иметь дело. На ум полезли воссозданные духом темницы скафиры и скорпионы, призванные то ли заключенной там магией, то ли его разбитым сознанием, и свет, сочившийся из вен, стал стремительно набирать силу и злобу, освещая жуткого червя, отражаясь от черной кольчуги сочленений и взмывая вверх, в прореху над ним. Туда, где со свистом вспарывали серевшее небо хлопки громадных крыльев.

Блаэн слышал тревожный клич, разорвавший предрассветное безмолвие снаружи, отмечал поднявшуюся беготню, напомнившую один в один какофонию на причале Пелфос. Одной рукой он крепче придавил к себе вялое тело Йены и продолжал опалять бесновавшуюся тварь, а после не мог оторвать взгляда от рыхлой массы, брызнувшей на пол и, наконец, затихшей, погребенной частью в земле.

Иступленно бился по телу пульс, вспыхивая и превращая носителя света в один ослепляющий источник, от вида которого измученные глаза наливались болезненной пульсацией.

На миг Блаэн прикрыл их, гадая, в своем ли он уме, пока реальность пыталась уместиться в творившемся хаосе.

Виски обжег закипающий пот.

— И что... — выговорил непослушными губами, пятясь назад и упираясь в стену в поисках опоры; хлюпнула промокшая одежда и опалила кожу. Блаэн судорожно зашарил за собой в поисках выхода, но в кожу вонзались лишь острые заусенцы. Уверен был, что после феерии, которая не могла остаться незамеченной, советник точно ворвется сюда, снеся собой дверь, и ему бы не помешала его помощь, потому что, разрядившись наподобие молнии, чувствовал себя до отвратительного слабым и потерявшим ориентир. Однако вся напасть застряла снаружи, тогда как он и Йена остались предоставленными самим себе.

А крылья, рассекавшие небо, стягивали узлом все жилы. Почти как в долине, заставило его окаменеть непрошеное воспоминание.

Клирик, повидавший немало, рывком втянул в себя воздух, сильно подозревая, что это не птицы, да и длинный пронзительный клекот, упавший сверху, не смог отнести ни к какому известному ему виду. Йена висела без движения, придавленная к его боку, и ему просто некогда было за нее переживать: руины бывшего сарая накрыло мраком, а жуткая ночь решила вытряхнуть из своих тайников нечто невообразимое: приоткрыв рот и забыв выдохнуть, одуревший клирик следил за огромной крылатой тенью, величаво спустившейся с шелестевших высот и плюхнувшейся в разваленный дом грузно, как бурдюк с жиром. Под монументальным торсом разъехались кривые лапки, широкие крылья забились, поднимая пылевой ураган, пока не зацепились за уцелевшие стены и не раскинулись живым пологом над головами.

Блаэн со свистом втянул в себя воздух и, переполнившись им, закашлялся, не сводя глаз с когтей, острыми кинжалами выступавших из-под оперения.

В его сторону обратился застывший лик мертвеца, прилепившийся к толстой шее магической твари, из-за одного вида которого клирик забыл все молитвы и швырнул Йену себе за спину, а ногой попытался проломить стену. Он иступленно колотил в доски, заставляя ступню отзываться резкой болью от каждого удара, только добился иного: выдохшийся было свет вдоволь подпитался свежей паникой. И клирик уже не разбирал ничего толком, в голове смешались враги, опаленная кровь и злость, которую он не мог обуздать и направить, отчего лютował сильнее.

Все еще отчаянно пытался удержать перед собой цель — что он тут делает, и что ему еще нужно сделать.

Не вынеся переполненности, заорал до хрипоты, а солнце его разгоралось все ярче, обгоняя наступающий рассвет.

Тварь отозвалась угрожающим рыком, вытянула шею и поползла, перебирая крыльями и подминая под себя убитого червя. Лопнула под весом плотная шкура, дождем разлетелась слизь, омыв укрытие и развалившуюся выдержку Блаэна; глаза клирика сузились, ноги напряглись.

Он обернулся, окидывая взглядом фигуру Йены. Вспомнил важное. И на миг ореол его поблек. А потом человек побежал прямо на заклекотавшего летающего выродка, чью плоскую морду схватил и зажал между ладонями прежде, чем успел взвесить мысль и обдумать. Черты пернатой твари оказались больше совиными, подражавшими человеческим. Глядя в них, во враждебный холод глаз, направил туда все пламя, стоявшее за ним, выжигая чернеющие провалы до тла, пока они не стали лишь отблесками самого клирика.

Безобразный летун недолго сопротивлялся, и вскоре зашатался, отяжелел. Крылья как подрезанные проскребли по стенам, обломав перья. Умер леденящий кровь клекот. А Блаэн, вогнав короткие ногти в его морду, продолжал обращать в прах древнее извращенное сознание, которое кто-то из проклятых герцогов вложил в это существо.

У самой подземной норы зашаталась дверь, которую клирик, не отыскав времени сосредоточиться на планировке, так и не обнаружил.

Тихо простонала Йена, с трудом открывая глаза.

Хелий едва отвязался от жителей и оставил их за собой в нескольких минутах. Он ворвался внутрь бледнее самой смерти. Ему хватило одного взгляда на замерших в схватке подопечного и амукса, чтобы понять, что тут произошло. А вот на охотников и глядеть не нужно было, залившее ночь сияние имели шок лицезреть все, как и увязать его с тем, кого успели помянуть его же вином. То, что больной приманил на головы в Хашсе стаю аму克斯, не простят даже служителю храмов, власть которых большей частью не дотягивалась до этих мест, а потому и кара представлялась маловероятной.

Это Хелий отчетливо понимал.

— Нас убьют, — выплюнул он два слова, отчаянно не желая делать то же самое с жителями, если придется отбиваться. — Отдадут амуksam как искупление... Блаэн! — закричал, перекрывая рев за стенами. — Отпусти тварь! Нам нужны лошади! Шевелись, проклятие...

— Помоги, — непослушными губами прошептал Блаэн, ваясь на гору перьев, которая, в свою очередь, опрокинулась назад и сотрясла каркас дома. — Не могу его... отпустить.

Хелий подскочил к клирику, намереваясь помочь с этим. Каждую секунду ждал хозяев деревни и арбалетные болты в спину, поэтому вид нежно сплетающихся в объятиях человека и чудовища только злил.

— Блаэн, слабоумный ты осел...

— Лошадь, — хрипнул Блаэн, пытаясь обернуться, чтобы донести до советника видимый им выход. — Он летает. Как мы станем сейчас... Где эти лошади...?

Хелий уловил мысль очень быстро и признал, что осел в этот раз абсолютно прав. Поэтому раздумывал не более мгновения, а сам уже подталкивал клирика лезть на амукса.

— Йена! — уперся Блаэн, ползя обратно на пол.

— Слабоумный осел...

Ругаться тоже не было времени. Хелий метнулся к стене, куда указал клирик, подхватил деву, которую немедленно оглушил, и вместе с ней взлетел на мощную бычью спину амукса.

— Не расцепляй рук, — предупредил через зубы и втиснул Йену между собой и ведущим седоком, зажав ее для верности и коленями, чтобы не потерять ненароком; молчавшая, она проблем не должна была доставить.

— Что делать? — выдохнул Блаэн, обессиленно клонясь вперед. Мышцы дергало, они не могли держать тело; обожженный светом мозг соображал с большим натягом. Боялся только, что если выпустит из рук магического выродка, то тот размажет их всех в тот же момент.

Еще немного, и он потеряет сознание, в ужасе подумал советник, поворачивая голову к открытой двери, в которую вбегала толпа охотников. К невероятной удаче беглецов, зрелище двух поверженных тварей выиграло им немного времени. Лишь поэтому их не напичкали металлом немедленно.

— Поднимай его! — заорал, вдавив ладони в спину Блаэна. Тот встряхнулся от касания, изогнулся дугой, пропустив через себя мощный заряд, который запустил в новом ритме сбитое дыхание и промчался по телу, распрямляя поврежденные потоки течения крови; она потекла, смывая онемение, а в голове чуть прояснилось. Руки клирика разгорались вновь, осязая теперь тело твари через эхо импульсов, которыми он точно так же пронизал крылатого, как и Хелий — его самого. И благодаря связи, которую раньше не считал возможной, смог почувствовать каждую кость и каждое натяжение развитых мышц в чужом теле.

Прикрыл глаза, мысленно пытаясь ухватить принцип и прорисовать последовательность перевода команд в движение.

— Ты сказал, что это лучше лошади... — прорычал над ухом Хелий, вспышкой ослепляя очнувшихся охотников и тем самым избавляя их от остатков почтительности к храму и его представителям. — Блаэн, поторопись, иначе твоя дева станет первой...

Договорить не успел: по огромному телу амукса вдруг пробежала рябь, а крылья сложились и снова неуклюже распахнулись, рывком сметя всех, кто стоял на ногах. На барахтавшуюся кучу Хелий покосился одним глазом, вторым следя за пошатнувшимся небосводом. Задержал дыхание, мысленно моля и человека, и тварь соображать скорее, и вскоре крылатый содрогнулся, с силой оттолкнулся от пола и подпрыгнул, чудом не отправив седоков на поджидавшую их казнь.

Хелий на самом деле всерьез опасался, что тварь успела сдохнуть, поэтому вознес горячую молитву всем переменчивым демонам удачи этого мира, когда амукс поднялся в воздух, а клирик, наконец, разобрался в управлении. Они удалялись от Хашса, оставив далеко внизу жаждущих убить их охотников вместе с разъяренными тварями, разносившими по доскам и камням поселение.

Хотел бы советник верить, что он со спутниками тут ни при чем, просто так поглумился случай. Только с тех пор, как выпущенный темницей клирик встретился ему на пути, такие насмешки стали поразительно злы. В Нарсаме мифический ксамантис было проще отыскать, чем целителя в полной силе, и советник понимал, почему регент старался сохранить этого принятого бездной служителя, только, по его мнению, проблем он принесет больше, чем пользы. Уже успел принести.

— Туда, — напряженно показал Хелий. Блаэн без слов кивнул и устремил прослезившиеся от ветра глаза вслед за указующим пальцем, на юго-восток. После заминки, вторя заторможенным реакциям ведущей головы, сменил направление полета и амукс.

Лечить служителя Росса придется — советник с этим смирился, едва вломился в дом, но то, что в полете придется одновременно воздействовать на всех — то требовало немалой сноровки, а потому терял силы быстрее, чем при зачистке запустелых, но не оставленных регентом без надзора территорий Нарсама. Разделить тяжесть таких тайных и тихих рейдов было бы благословением судьбы, однако... Не о такой благодати просил.

Досада советника отразилась в силе, с которой вдавил ладони в каменную спину клирика, но у того не осталось ни воли, ни собственных ресурсов сопротивляться. Он послушно просялся, а исполинские крылья амукса заскользили по воздуху увереннее, подчиняясь искрам перевозданной магии Садана. Одежды на седоках остались скудные, безжалостный к трясущимся людям ветер пробирал до нутра и выдувал любое тепло. Капюшон накидывать было без толку, с головы его срывало моментально. В том, что приглянувшиеся ему меховые тулупы остались далеко внизу, Хелий мог винить лишь свою нерешительность, а небесные вихри в то время свежевали не успевавшие согреться тела.

Тварь летала быстро. Лошадям потребовался бы не один день, чтобы покрыть то расстояние, которое амуks преодолел под взглядом одного солнца, взошедшего и еще не опустившегося. Если бы не собранность советника, болтавшиеся на хребте амуksа люди давно бы затерялись в пролетающих под брюхом низинах. Ему приходилось прилагать огромные усилия, чтобы управлять всеми, особенно оглушенным Блаэном, так что не знал даже, преимущество ли они получили в скорости или проклятие. Тем не менее, когда они достигли узкой долины между отрогами Адроса, дышать стало намного легче. Не последнюю роль в том сыграло и снижение высоты. Захватывающие дух каменные великаны резко рванули вверх, в нависшие над ними серые громады туч, где разреженный воздух заставлял задыхаться, а получившая приток кислорода кровь хлынула в онемевшие конечности. Покалывание в кончиках пальцев Хелий ощутил мгновенно, как и дрожь Блаэна. Прокричал, что продержаться осталось всего ничего, только вряд ли измученный клирик услышал. Амуks терял высоту, а рулевой практически лежал на его шее, не обращая внимания ни на что, лишь подчиняясь властной тяжести рук советника.

Хелий думал сделать привал в Нейнинге, временном поселении охотников, в котором он иногда останавливался. Это был негласный перевалочный пункт, нежилой, в подвалах нескольких домов которого имелись необходимые для выживания припасы, но не более того. Сам охотничий лагерь уместился в устье реки Нинг, промывшей ущелье Нейн, берущей начало высоко в горах, питающей Пастбища Санагеры и служащей основным источником водоснабжения для Трактории Кайланган.

Вода и пища, по указанию регента завозимые в Нейнинг бродячими торговцами, могли подпитать силы, да и Блаэну с Хелием передышка была необходима. От той расселины уже можно было различить границы Санагерских пределов, куда и направлялся Хелий. Однако контроль над амуksом ослабел настолько, что на посланный импульс тварь не отозвалась, продолжив планировать как листок на ветру. Крылья заламывались порывами ветра, в какой-то момент снижение потеряло плавность, втянув людей в болтанку. Еще лелеял советник безумную надежду на продолжение полета, но она исчезла в тот миг, когда прямо в воздухе начертались огненные письмена, от вида чего Блаэн шарахнулся вбок. Его связь с амуksом оборвалась так резко, что Хелий не успел даже моргнуть.

И узнать, как их встречали, тоже. Краем глаза заметил только, что пылающие мазки рассыпались и смешались с красками закатного неба.

К подобному зрелищу советник был привыкший, только упустил из виду, что привык он один. А потому клирика поймать не успел, и тот, заскользив по оперению, камнем свалился вниз. За ним рухнул и амуks с оставшимися седоками на спине. Высота была невелика, он протащился на брюхе, подминая и ломая крылья и оставляя за собой багровую дорожку, а после замер недвижными останками на самой границе запретных земель, плоской мордой закопавшись в траве, а хилые лапы разбив о булыжники, устилавшие подходы к ущелью. Йена слетела при ударе о землю и покатилась по густой зелени, смягчившей падение. Хелий, до боли вцепившись в жесткие перья магического выроodka, ощупывал языком рот и прислушивался к звукам, отличным от звона в голове.

— Блаэн... — раздражаясь от непроходимой косорукости клирика, проскрежетал, рискуя сломать чудом уцелевшие зубы. Скосил глаза на поднимающегося на ноги подопечного и на краткий миг пожалел, что тот не свернул себе шею.

— О святая Сура, — шепнул Блаэн видению, просочившемуся в жизнь из зыбкого затишья бесплотного мира, где нет цветов, шорохов и ветра. Сделав несколько шагов назад, наткнулся на амуksа и осел на землю. Обвел невидящим взглядом безбрежные просторы, убегающие за горизонт. Там шумели травы; шумело в висках, разливалось мелодичным звоном повсюду шепчущее, пригретое долгожданным солнцем травяное море, ласково колыхались атласные волны молодого травостоя; трезвый пейзаж. А впереди, на расстоянии нескольких

шагов разум начинал шутить шутки. — Ты сказал, что самая большая угроза — ты? — Клирик задрал голову, отыскивая свесившегося с твари советника. — Мне кажется, ты чересчур о себе великого мнения. Это же... Что же это...?

2. Но неудачам уж утерян счет.

Светило восходило. Влажный туман терялся в его ярких, по-утреннему ласковых лучах. Прогревшаяся земля нисколько не растолкала сонную деревеньку Антар, в которой Ниэль как-то промелькнул и, был уверен, запал в память встреченным им жителям: повар в местной харчевне вытаращился на знакомя как на призрака, и стоял так у раздачи, пока его не окликнула подавальщица. А, увидев, на кого пялится Свин Дагс, бойкая вертихвостка расплылась в улыбке и подмигнула юниту, как решила.

Ниэль степенно оправил армейское пальто, которое добыть ему не стоило особых усилий и которое выгодно подчеркивало его гибкий стан. Намек изогнул уголок его губ в ответной симпатии.

Подавальщица очаровательно зарделась.

Повар испытывал, очевидно, противоположные эмоции и радости не выразил. Он захлопнул рот и опустил заставленный мисками поднос на деревянную поверхность, а после подбоченился, глядя теперь недобро, совсем не так, как в прошлый приход.

— Тот самый, который пропал из ночлежки? — уточнил, пятя вперед челюсть. — Из-за тебя бедняга Мегс испереживался так, что в штаб доложил, а местные отряды ему в благодарность весь дом перевернули. Опять появился с худом каким?

Ниэль демонстративно обвел взглядом от складок подбородка до расперших передник боков, в которые воткнулись кулаки кухаря. Передник тот был не слишком чист, как и штаны, об которые обтирались руки. И полотняная рубаша коричневела у ворота.

Свин Дагс, кажется, сообразил, в чем с юнитом ему не сравниться, поскольку, свирепо зыркнув на млеющую от прелестника девку, поспешил сгорбиться и стать незаметнее. А белолицый продолжал смотреть снисходительно как на ничтожество.

— Не верещи, друг. Заявился я с благодарностью за прием и заботу, — с усмешкой протянул Ниэль, удерживая наливающийся яростью взгляд безродного до тех пор, пока тот не опомнился, что с юнитом ввязываться в мордобой не стоит, где один — там и весь гарнизон. Посмотрел, поковырял на расстоянии, на этом и остановился. В итоге дернул щекой и опустил голову, признавая поражение.

Прилюдный плевок отпечатался яркой краской на потном лице. Обиду от затаенных смешков кабацких девок и шепотков посетителей Свин Дагс надолго затаит.

Белоснежная же кожа северянина не испортилась ничем. Накалив обстановку, он откровенно наслаждался повисшей неловкостью. Дразняще подмигнув подавальщице, окончательно покоренной изящным северным говором, и оставляя за собой куски грязи, облепившей сапоги по самый отворот, Ниэль не спеша покинул пропахшую салом и дымом харчевню, чтобы заглянуть в дом, который некогда выручил его, послужив дверью из клетки Сирамизы.

Имени отзывчивого хозяина не знал ранее, да и без надобности ему было. Мегс, повторил про себя, пока вспоминал дорогу и стороной обходил статую Суры, виденную им и в прошлый визит. Сплюснутый, схожий с армейскими бараками ночлег нашел без подсказок, то и дело навязываемых встречавшимися деревенскими, которые, распознав юнита по форме, старательно кланялись в землю. Запомнят ли его лицо или нет — Ниэль не особо и прятался, рассудив, что никто имени его не знает. Юнита обвинят в кровопролитии, и он же будет еще одним угольком, который упадет в смуту, посеянную в каждом владении Нарсама. Регенты знатно обеспокоены ситуацией, раз подняли все армейские гарнизоны в мало-мальски крупных городах; даже Красный Лог в Сирамизе и Маджур Дакайтоса заполонили вооруженные отряды и клирики с палачами из столиц, хоть и населения там было немногим больше, чем в ученой Трактории Кайланган. Вот только деревеньки наподобие этой по глупости своей считали, что слишком незначительны и не привлекут внимания.

В Антаре, который приютился между людными Союлом и Ризделом, было тихо. И крайне мерзко, по мнению сына кристально-чистого заснеженного царства Саньёна.

Ниэль несколько раз брезгливо отряхнул пыльные перчатки, с которыми почти сросся, прежде чем отвести непокорные завитки темных, на утреннем солнце горящих бронзой волос со лба, открывая безупречное лицо, а в необычайной яркости глаз проявилось безоблачное небо. Вдалеке, за несколько улиц, он слышал будничную суету и нестройную переключку голосов, редкий звон оружия и сердитые выкрики: похоже, местный отряд защитников не горел желанием подниматься с солнцем. Для виду брехали дворовые псы, которых вышли кормить, извращенно переплетались запахи мокрой земли, тяжелый душок старого навоза и аромат горячих хрустящих булок, отчего у северянина заурчало в животе; даже не подозревал, что такое может вызвать аппетит.

Он в который раз потер каблук о каблук, пытаясь счистить слой грязи с обуви, напавшей теперь неподъемные колодки ведомых на казнь; боялся, еще немного ошметков — и сапоги насмерть прилипнут к земле, а он останется босой. Однако когда поднял голову, то на лице отразилась приветливость, а рука помахала девочке, которая, кутаясь в не по размеру отцовский тулуп, выбежала из дома с ведром, на этот раз с пустым. Завидев человека во дворе, она запнулась, чуть похмурилась, а потом, вспомнив доброго постояльца и орехи, которыми он угостил, просияла. Застенчиво улыбнулась схожему со святым юниту.

— Папка в доме, — без боязни помахала в ответ.

— Благодарю, — склонил голову Ниэль, оставив в покое вездесущую грязь и подходя ближе. Сунул руку в карман, а девчушка любопытно вытянула шею, надеясь на гостинец. — Умница, обернешься скоро?

Леденец, который Ниэль достал, дочка хозяина схватила быстрее, чем гость успел выпустить его из рук.

— Скоро, — пообещала, волнуясь от внимания необыкновенного человека так, что ведро скакало в ее руке как живое. — Папка велел воды греть, чай пить. Я к колодцу и обратно.

Мягче и любезнее Ниэля никого на свете не было, читалось в ее восхищенно вытаращенных глазах.

Неважно, что на деле и она, и ее папка, который был не столь рад видеть исчезнувшего гостя, ошиблись, как никогда. Первое впечатление всегда самое глубокое. Мало кто из случайных знакомых Ниэля успевал изменить мнение так, чтобы поделиться с кем-то, а потому и не увязывались у людей зловещая Призрачная гильдия и благородный облик обходительного господина.

Он исхитрялся даже не замарать одежду.

Когда Ниэль часом позже ступил в мастерскую зеркальщика, на пороге всей грудью вдохнув обжигающе морозный воздух Саньёна, Роксил не заподозрил ни на миг, откуда явился ученик и какое зрелище для соседей невезучего Мегса оставил после себя. Удивился лишь, что одет тот юнитом. Теории выдвигать не спешил и, отодвинув колбу с песком и подрамник, оперся руками на широкий стол.

— Пришлось, — невозмутимо бросил Ниэль, стаскивая с себя легко опознаваемое черно-серебристое пальто, в какие одевали поголовно всех юнитов. Его он забросил в кучу использованного хлама, служившего подпиткой для огня в печах. Туда же отправил и сапоги, заметив, каким взглядом старший провожает каждый отпечаток на выметенном полу. Пошевелил пальцами ног, обтянутых шелковыми чулками. — Роксил, прохладно тут у тебя.

Зеркальщик со вздохом направился к сундуку, в котором хранил рабочее снаряжение. Оттуда извлек свою смену, ботинки из стоявшей колом кожи, которой не страшны брызги жидкого стекла. Их и предложил Ниэлю за неимением ничего другого.

— Я бы сказал тебе навеститься домой... Но не стану. — С этими словами перебросил обувь из одного конца плавильни в другой и сложил крепкие руки на груди. — Скажу иное: воспитанник, что происходит? Наместник под стражей в темнице. От Эчей и Хугуру много дней нет ни весточки. Остальные призраки в таком же смятении, как и я сам. Прячутся в занесенных храмах под песками, пережидают облавы.

Лоб Ниэля прочертила складка.

— Наместник в темнице? — переспросил, медленно выпрямляясь. О тайных делах отца он был в курсе, но предпочитал ничего не замечать, уверенный, что у Дерека Фелина хватает и ума, и опыта вертеться там, где он вертелся.

— Никто из наших не знает, что случилось в магистрате, — продолжили сверлить ученика нечитаемые темные глаза мастера. Как обычно, пониманию его отсутствующие эмоции сложно поддавались. Он наблюдал, как ученик забыл надеть ботинки, а голос тек ровно, как песок в пустынях: — Совет хранит молчание, и к нему не подобраться. Прибыл регент, после этого твоего отца спрятали от мира. И в вашем родовом особняке теперь нет ни одного зеркала. Я искал, — закончил Роксил, поглядывая на Ниэля, опустившего взгляд в пол.

А вот это известие незначительным происшествием назвать было нельзя. Даже случайным.

— Совет столицы тоже сидит без зеркал? — глухо спросил Ниэль, начиная подозревать, что это и есть причина недостижимости магистрата.

— Они тебя вычислили.

Ниэль зарычал, моментально теряя всю свою смазливость и становясь похожим на взбешенного зверя; зрелище, которое имели случай наблюдать лишь его сообщники по ремеслу и будущие мертвецы. Блаэн Росс, обожгла догадка северянина, едва сложил цельную картину из частей; проклятый клирик. Тот, кто уцелел. Тот, при мысли о котором зубы начинали скрипеть, а пальцы ломило от желания вырвать ему глотку.

Безумный взгляд Ниэля заметался. Замер. Рука взлетела к шее, все еще ощущавшей мертвенную хватку клирика, и обхватила ее в защитном жесте. Чуть дыша, жестким усилием воли стараясь не выдать охватившую его дрожь, он держался за жалкие крохи самообладания, сражаясь с окатывавшими его волнами холода, и лишь после того, как почувствовал себя способным говорить, поднял лицо, ставшее белее снега, чтобы глянуть на напряженного старшего. Прищурился.

Он ненавидел клирика лютой ненавистью. Она была настолько реальна, что причиняла ощутимую боль и плавила рассудок, который должен был быть твердым и холодным, как весь запретный Нантин. И Роксил, кажется, это понял, как и то, кто раскрыл личность Ниэля, потому что перекосялся на манер ученика.

— Так отчего люди-то все разом стали зеркал опасаться? — спросил приглушенно. И обвел рукой безлюдную мастерскую, где огонь в печах едва теплился, а заказчики не заглянули ни разу за все время их беседы. — У меня до единого заказы отменили. Не имеет ли это отношение к мертвецам Тебака, которых там немало случилось за последнее время? В их смерти винят известно кого.

— В Самире была Эчей, — холодно процедил Ниэль, не меняясь в лице от своей лжи. — Я шел по ее следам. И там же застал Хугуру семь дней назад. Их ты больше не увидишь. Они схватились со служителем Россом. В подтверждение я мог бы приволочь хозяина таверны, которого расспрашивал Хугуру, только увечный отдал его мясо собаке. А еще он поджиг тутовники, чтобы отвести внимание. Тело Хугуру сейчас, должно быть, у юнитов, клирик вышвырнул его на мостовую, тому есть немало свидетелей. Если Хугуру где-то засветился еще, то за самирское пепелище нас не простят никогда. Так что вешай просчеты на того размалеванного пустытника и его подружку. Я ни при чем.

Роксил тяжело опустился на стул и вылил себе остатки вина из кувшина. Выпил, резко утер рот. Оттолкнув бокал, вогнал пальцы в виски, разминая их.

Ниэлю было бы странно видеть мастера в таком беспорядке, если бы он не был так поглощен поисками складного решения.

— Что с некромантами?

— Они добрались до бледных лесов, — не стал темнить Ниэль. — С ними белый змей. Я его видел на дирижабле, и он же не подпустил к шакальим лакеям.

— А девка? — хмуро глянул старший.

— Девка. Девка... — Ниэль потянул к себе ботинки и принялся совать туда озябшие ноги. — Она с клириком.

— Где сам клирик? — раздраженно рявкнул Роксил, привставая с места.

— Я потерял его в Хашсе, — развел руками Ниэль.

Роксил крепко задумался, пытаясь соотнести с чем-то название.

— Это где?

— Охотничье захолустье у хребта Адроса, — без заминки пояснил Ниэль. Он склонил голову и медленно моргнул, пока наставник сжимал губы до побеления. — Храмовник лично взнуздal целого амуksa, а потом оттуда улетел с девкой и проводником, доставившим их к скалам. После него осталась гора трупов. Не уцелел ни один житель. Я проверил биение жизни каждого.

И упокоил тех, у кого оно еще было, подумал про себя Ниэль: вина за истребление Хашса пусть целиком принадлежит Блаэну Россу.

— Амуksa, — после паузы промолвил Роксил, не зная, верить или нет. — Амуksa? Ты уверен? Их проводник — некромант?

— Не знаю, — качнул головой Ниэль. Блаэн поражал его сверх всякой меры и до темноты, а чем клирика наградил смертельный туман, представления не имел; может, и с такой тварью сам справился, раз убийца ему нипочем. Северянин своими глазами видел труп Хугуру. А тот, кто убить мог поясом от своего халата, если ничего другого под рукой не находилось, легкой добычей определенно не был.

— Пустить бы слух, что непогрешимый милосердец выжил из ума и стал страшнее убийц Гатиль, — сплюнул Роксил и заглянул в пустой кувшин. Вид дна не утешил ничуть. — Ты единственный свидетель. И какая ирония, что слова сказать не успеешь перед тем, как тебя казнят. Решение вижу в одном: добудь деву. — Когда Ниэль встретился с ним взглядом, изогнул брови, а под ними сверкнула неприкрытая тревога. — И мы также отправимся на ее поиски. Сдается мне, Асафí, стоящий за ней — единственное, что заставит любого из регентов остыть и выслушать.

Гильдия убийц нацелится на служителя и юнита в одном лице, что держать в тайне будет сложно. Такой расклад Ниэля устраивал более чем.

— Да, — сказал он. — Ты прав.

На всякого коня, как и говорил, найдется своя узда. И на мудрейшего и осторожнейшего Роксила — в том числе.

* * *

Снег и яростные порывы ураганных ветров. Безмятежность мерзлого венца над Саньёном и глубинный холод подземелий. Древние скалы, насквозь промерзшие, проросшие тоннами вечного льда. Заиндевелившие массивы, серебрившиеся под тусклым северным солнцем; к их пикам насмерть примерзали многокрылые ледяные грифоны.

На острие пика Нантин дыхание скал лютовало, тшась сорвать вековые ледовые покровы. В рвущихся ключьях непроглядного мрака, в привязанном к проему врат тумане, иссеченном ослепительными зарницами, сполохи грозových молний высветили две фигуры.

Привратник твой, красноречиво повел подбородком регент, не одобряя хаос, которым страж Забытого подземелья неизменно старался впечатлить гостей. Его спутница развязала завязки у горла и передала тяжелый плащ регенту; без слов им он обернул себя как поясом. Пожала плечами, которые, заменяя подбитую мехом накидку, обняли тени, ограждая от векового холода.

— Он должен охранять! — прокричала в оглушающий рев урагана. И улыбнулась. Рука об руку двое ступили к обрыву. Химера расправила крылья. А ветер стих в тот же миг, повинаясь воле хранительницы запретных земель. Упавшая тишина оглушила регента. Несколько мгновений он смотрел на сцепленные пальцы, после чего протянул и вторую руку для равновесия, зная, что, повиснув, будет меньше причинять неудобств.

— Пусть будет так, — ровно произнес, и шепчущий голос его не заглушил шуршания оседающей поземки.

— Держись крепче, мой регент, — согласно ответила его спутница. Заперев их пальцы в нерушимом замке, захлестнув талию регента змеиным хвостом, легко ступила в пропасть.

А воздушные потоки подхватили полет. Яркий всплеск заката распустился в северном небе, крылья химеры, трепеща на ветру, расправились над Саньёном. Для глаз, бывших далеко внизу, вся та драгоценная яркость тускнела и вымывалась слоями снежных туч, а горожане, которым удалось увидеть редкое зрелище, не уделили должного внимания, решив, что грифоны кружат над столицей. Никогда химера не переживала, что ее, советницу регента, уличат в сходстве с магическими тварями, да и на шумную площадь перед магистратом они не являлись прямым с небес. Сложив крылья за спиной, она устремилась вниз, встречаясь с глазами, прозрачными до крови, и чуть улыбаясь при виде морозного румянца, тронувшего обыкновенно мертвенно-бледную кожу регента. Его длинные бесцветные волосы, унаследованные от белого змея, растянулись снежной пеленой, и ветер вволю трепал их, застыв обзор. Регент не подумал; он всегда забывал сплести их, а потом безмолвно извинялся, а химера лишь улыбалась, будучи совсем не против видеть эмоции, которые правитель редко себе позволял проявить.

Он был молчалив и замкнут со времен герцогских войн, люди интуитивно держались от него подальше. Ей и Хелию лишь не доставляла неудобств его непомерная холодность. И Асафí, конечно же; существо Садана хранило в себе такое же бремя. И...

— Та девушка... — сказала, едва они, спустившись в комьях снега в хрустальный перелесок за столицей, твердо встали на ноги.

— Тот труп, — ровно поправил регент и одним движением упрятал массу волос под плащ, надвинул капюшон, отчего голос его стал звучать еще глуше. Повозившись со свертком, опоясывавшим его, бережно окутал фигуру советницы нагретой накидкой.

Химера вздохнула, затянула у горла завязки, а потом возразила:

— Она не мертва, мой регент. И не жива. Тут что-то другое. — Регент досадливо сжал губы, а она предпочла сделать вид, что не замечает скачок настроения: — Уверена, ты почувствовал. Даже Хелий клонит голову, если ты надавишь, но эта Тай не вздрогнула. Асафí же не мог достать ее из Садана?

— Она рождена обычным путем, — шикнул регент, делая шаг резче. Увяз в сугробе и остановился. Опустил голову вниз. — Но от необычных родителей. Только суккубы и инкубы к ледяному пламени отношения не имеют.

Пока он вынужден был вытряхивать снег из сапога, советница по рыхлому покрову проскользила устойчиво, как по каменной мостовой. За ней прозвенел мелодичный перелив застучавших веточек, ему вторили залиvistые пересвисты дроздов. Регент против воли замер, наслаждаясь волшебным пением для единственного слушателя, а его спутница направилась

к видневшейся отсюда конюшне, где держали лошадей специально для правителя, имевшего пугающую всех привычку появляться в самых неожиданных местах. Например, среди обмороженных деревьев, когда ничто не предвещало. Однако вопросы конюхи задавать приучены не были, поэтому оседлали животных и вывели их с поклоном, едва спутница регента приблизилась к огороженному выгулу. И на самого регента старались не глазеть откровенно. Тем более не обсуждать вслух. Лишь мальчишка-конюшонок во всю ширь раззявил рот, приметив ножны, в которых, по слухам, покоился меч из прозрачного и немислимо прочного ксамантиса; старший конюх, углядев, торопливо сунул его лицом в снег, пока тот не удумал вдобавок звук издать.

Не став вгонять в дрожь и без того простершихся на земле работников, двое всадников направили лошадей к Саньёну. А под самым городом уже клубились тучи снега: навстречу неся отряд юнитов во главе с раздосадованным комиссаром Герхером Фадарусом, который в толк не мог взять, откуда правитель появился среди поля, да когда и каким образом успел выбраться за пределы столицы незамеченным. Он бы утешился, если б знал, что поголовно все командиры гарнизонов и их юниты по всему Нарсаму страдают от ощущения собственной несостоятельности как караула. Но он не знал, а потому вовсю старался держать перекошенное лицо ровным, при этом молить Суру, чтобы и на этот раз регент не стал заострять внимания на том, что все солдаты в городе, а он сам — вне его.

— Мы ожидали вас у темницы, — согнувшись в поклоне, четко произнес, сосредоточенно изучая копыта лошади, беспокойно топчущие снег, и совсем немного — краешек плаща, прикрывавший и бок животного, и ногу всадника. Не услышав ответа либо указания, тяжело сглотнул и отступил еще на шаг. Дальше говорить не решился, а потому просто ждал, с каждой секундой потая сильнее и чувствуя десятки взглядов подчиненных, упершихся в его спину. Знал прекрасно, что и им не по себе — юниты шептались между собой, бывало, о том, что штаны хоть полощи, если регент соизволит обратить внимание. И плохой из него, очевидно, командир, если сам не мог совладать с безотчетным страхом, и тени которого не было при выезде из города. Вместо того чтобы обратиться к правителю и получить указания, сражался с глупым желанием зажмуриться как малолетнее дитя. В конце концов начал дрожать и подумал, что нужно было сразу опускаться на колени.

Ноги подогнулись сами собой, и комиссар подмел лапами пальто снег.

Лошадь регента, которой он, по существу говоря, поклонялся последние несколько минут, внезапно сорвалась с места и поскакала в город, следом за ней и вторая. А комиссар Фадарус продолжил глотать снежную пыль, стоять с подломленными коленями, слизывать пот с верхней губы и клясть себя за то, что не додумался расставить стражу и за городом, чтобы встретить регента как подобает, а не в наспех застегнутом пальто, еще и не подпоясанном.

Ветер издевательски исхлестал щеки, глаза слезились, как хотел думать, конечно же от него.

— Что он за человек такой, — пробормотал, когда утихла позорная дрожь, после чего осмелился разогнуть спину. И тут же прихлопнул рот, страшась быть заподозренным в непочтительности. Осмотрел своих людей, убедился, что украдкой утирает лоб не он один. Вскочив на коня, сделал знак оцепеневшему и порядком подмерзшему отряду следовать за ним, сопровождать регента, который не подумал дожидаться эскорта и уже скрылся за городскими воротами. След за ним тянулся красноречиво-шепчущий и многолюдный, два безликих всадника узнаны были сразу. Торговцы выбегали из лавок посмотреть хотя бы, как за лошадьми развеваются плащи, горожане взволнованно таращились в одном направлении, запоминая ровный галоп бок о бок, а все повозки наспех сгрудились под стенами домов, вдоль которых проносились регент и его советница.

Регент свернул к темнице, растянув за собой неестественный для Саньёна полог немоты. Там он пробыл недолго и, пока юниты рассеивали волнение горожан и восстанавливали поря-

док на улицах столицы, а после догоняли всадников, успел вернуться к лошади, которую под уздцы удерживал не один из каменных солдат, вытянувшихся у входа в темницу, а его советница. Устав поражаться парализованному одним-единственным человеком целому городу, командир чувствовал себя совершеннейшим идиотом, который не поспевает ни за чем.

— Не следуйте за нами, — прозвучал негромкий приказ советницы. И командующий гарнизоном, как и все его юниты, с радостью повиновался. При этом опустил глаза очень низко, потому что боялся, как бы никто не уловил там бездну облегчения.

Назначение было высокой честью, и командир получил его за заслуги, только ситуации, которые неизменно провоцировало присутствие регента, заставляли сжиматься от жгучего стыда и желать провалиться сквозь землю.

Всего того спутница регента не стала касаться. Правителю самому было известно, сколь мало людей могут справиться с глубинным, необъяснимым страхом, который он без умысла высвобождает вокруг себя. Направив лошадь к западным мастеровым кварталам, советница опять затронула одну из сестер из Хилескоры, невзирая на явное нежелание регента говорить о чем-либо, касавшемся белого хранителя.

— Та Тай, — сказала, развернувшись в седле. Заметила, как напряглись плечи регента, однако это ее не остановило: — Она даже не заметила твоего подавления. А еще она спорила с тобой.

— Какое нахальство.

— Нуар! — Советница глубоко вздохнула и постаралась сдержать раздражение. — Нам стоит присмотреться к ней. Она может быть вашей со змеем природы.

— Она вроде как маг огня, — процедил правитель. И резко закончил: — В этом вся причина.

Советница покачала головой, не соглашаясь.

— Много ты знаешь многоликих мастеров, договорившихся с пламенем Садана?

Регент придержал лошадь и взглянул на спутницу, вскинувшую голову так, что засияли сотни звезд, осветивших травяную зелень глаз. Долго смотрел в них. Как ни странно, успокоиться не мог, внутри все кипело, как всегда, когда звучало имя белого хранителя.

— Хочешь сказать, труп опасен? — шепнул в итоге. — Всего-то следует задавить ее некроманта, и лиггена тоже не станет.

— Хранителю это не понравится, — спокойно произнесла советница, отводя взгляд от разгоревшейся красноты глаз и устремляя его на шею лошади. Заодно огляделась и убедилась, что если их кто и сопровождает излишне любопытный, то держится он предусмотрительно на расстоянии: улица была абсолютно пуста, не пробежал мимо даже гуляющий кот.

Регент, сгорбившись, прошипел нечто бессвязное.

Эль поехала, ощутив зловещее покалывание древнего языка, стекшее ознобом по спине. И усилием воли его проигнорировала. А оставшееся беспокойство — что ж, оно было неотделимо от регента.

— Ты не можешь сбрасывать его со счетов, — упрямо подчеркнула. — Он — один из гарантов мира в Нарсаве, Нуар, и сдерживающая известных нам с тобой демонов сила. Как бы ты ни был обижен на него...

— Он ничто! — Регент выплюнул слова как нечто отвратительное, попавшее ему в рот. — Он есть величайшая ошибка Диссемирта!

— Тем не менее он есть и выполз на свет, — чуть поморщившись от хриплого свиста, выдавшего степень взбешенности правителя, ответила советница. — Вряд ли загоним его обратно, чтобы забыть. А насчет ошибки — без Асафи не было бы тебя. За одно это я могу допустить диалог с ним. О котором он, заметь, молил на коленях.

— Я убью его вместо разговора, — зловеще прошептал регент и подогнал лошадь, надеясь завершить спор.

— Он может ничего не знать, — донеслось в спину. — Есть такая особенность у него. Асафӣ при линьке теряет память.

Губы регента скривились.

— Однако до того, как потерял, он позволил себе коснуться человека! Он не дурак и знал, к чему это могло привести!

Советница сдвинула коленями бока лошади и выровнялась с правителем.

— Ни ты, ни я не присутствовали при твоём зачатии, чтобы судить, — справедливо, как считала, указала на факты. — У императора ум был настолько извращен, что он умудрился выкрасть частицу из самой бездны, а потом еще и обтесать до приемлемого облика. К тому же лигген змея права, он был целиком и полностью подконтролен Диссемирту.

— Это все отговорки, Эль. У него был выбор, он мог нарушить магическую клятву, но не причинять вреда моей матери. Однако он выбрал жить самому.

— И дал жизнь тебе, — не преминула вставить советница, рискуя тем самым сильнее разозлить регента, тающая выдержка которого и без того достаточно заледенила кровь.

— А потом сделал все возможное, чтобы ее отобрать! — отрезал регент. — Мой отец бесчисленное множество раз пытался меня убить! И, глядя, как он заносит руку, обмирая от пустоты его взгляда, я всегда знал, кто он мне!

Они остановились и посмотрели друг на друга. Помедлив, Эль сняла перчатку, чтобы ничто не мешало почувствовать прохладу щеки, очертания которой проступали под одеждами.

— А он всегда не доводил удар до конца, — тихо промолвила, поглаживая гладкую кожу Нуара и чувствуя кончиками пальцев, как напрягается упрямая челюсть. — Он, безупречный палач, каждый раз делал ровно столько, чтобы оставить тебя на грани, а потом ввязывался в другой бой. Мне еще в то время показалось это бессмыслицей. — Грустно улыбнулась. — Мы приехали, мой регент. Мастерская зеркальщика. Роксилом ведь его кличут?

Она спрыгнула на землю и зашла в каменное строение, окна которого тускло светились, а регент еще некоторое время сидел в седле, глядя на свои руки в перчатках, сминающие поводья. Потом оглядел ряд знаменитых оружейных мастерских, строго-серые стены которых плотно срастались с жилищем их же хозяев, не оставляя просветов; каменный комплекс, стремившийся как в протяженность, так и вверх, условно поделенный полукруглыми башенками с декоративно вырезанными клеймами владельцев, тянулся монолитом до самого пересечения улиц, а там заворачивал, образуя правильный квадрат, внутри которого расположились дворики для личного пользования семей, проживавших здесь. Среди оружейников втиснулись несколько стеклодувов и ювелиров, а также один искусник, который специализировался исключительно на зеркалах; к нему-то они и наведались.

На противоположной стороне улицы наблюдалась схожая картина, а остальные мелкие ремесленники заняли кварталы попроще и по архитектуре, и по стоимости изделий: кожевники, литейщики, обувные мастера, швеи, всяческие ремонтники. Еще дальше были пекарни. И, как помнил регент, у дверей этих мастерских было не протолкнуться. Сейчас же городской шум звучал настолько отдаленно, что если бы он своими глазами не видел людей, то решил бы, что столица покинута. Окошки, однако, освещались, где — равномерным светом искр, где — пляшущим пламенем печей, как в зеркальном цеху. Ступая внутрь, он ожидал все же обнаружить одного или нескольких подмастерков, оставленных учителем приглядывать за имуществом, а не мужчину в годах, на вид невзрачного и слегка простоватого на лицо. Человек стоял у одной из плавильных печей, пышущей жаром, и, сложив жилистые, по локоть обнаженные руки на груди, выжидал. Лишенная естественности поза выдавала, что молчаливая посетительница, не открывшая лица, изучавшая рабочие столы и песок в колбах, сильно его обременяет.

То ли он не успел улизнуть, то ли остался с умыслом выяснить, что известно о нем власти. Его непроницаемый взгляд следовал за перемещениями женщины по его владениям, ощупывал чудные выпуклости на ее спине, скрытые одеждами, а поразительное самообладание и поза

не лицом в пол известили регента о том, что человеку знакомо давящее ощущение магии, что он к нему привычный.

Скорее всего, это и был Роксил, учитель Ниэля, имя которого регент вырвал у бывшего наместника Саньёна. И этот мастер ожидал иных гостей, попроще, от которых в случае опасности сможет уйти привычным ему путем. Времени осознать, кто пожаловал, ему потребовалось немного, а то, что это означает — и того меньше: его взгляд заметался от одного плаща к другому, тогда как тени, лежавшие на лице, углубились. Не дожидаясь, пока задвигавшиеся пальцы призрака вытянут на свет зеркальце, которое, без сомнений, пряталось либо в рукаве, либо прижималось локтем к боку, регент в тот же миг переместился к нему, толкнув перед собой волну согретого воздуха; остановился так близко, что различил задушенный вдох. Русые волосы отлетели от лица, отброшенные порывом, а темные глаза человека остро сверкнули, впившись в темноту под капюшоном. Человеку пришлось задирать голову, регент же, напротив, опустил свою и позволил разглядеть намек на нижнюю часть лица, от вида которой зеркальщик враз посерел и отшатнулся, позабыв о печи. Жадный огонь лизнул подставленную спину, завоняли опаленные волосы. Выбитый из равновесия болью и изумлением, зеркальщик бросился вбок, одновременно выхватил зеркальце, заигравшее цветами отраженного пламени. Вслед за отблком повернулась голова регента, от него же не отводила взгляд его спутница, стерегшая человека все то время, что провела в плавильне. И как только подтвердились его намерения, перестала притворяться безучастной; смазанное движение глаз не засек, и Роксил понять не успел, каким образом врезался в железный бортик стола, и откуда взялась женщина, которая, поклясться мог, только что обследовала дальнюю стену цеха. Она приблизилась, разжала стиснутый судорогой кулак и вынула оттуда зеркальце, которым зеркальщик ранил себя — так скрутило мышцы.

— Ты тот, кого кличут Роксилом? — осведомилась до странности спокойным голосом, пока человек силился втянуть в себя воздух и моргал, прогоняя выступившие слезы. Бросив стекляшку на стол, посетительница хлопнула по ней лежавшим тут же молотом, который подняла одной рукой.

Голова Роксила, покоившаяся на той поверхности, подскочила от силы удара. Весь бок горел огнем, как будто ему плетей всыпали. Он посмотрел на сверкание россыпи осколков, мелких и ставших бесполезными. Потом — на увесистую болванку, которой крошил кристаллы кварца. Недоверчиво потрогал рубаху, под ней — быстро вздувшийся на ребрах рубец, от одного прикосновения к которому в глазах потемнело.

Он так и не понял, как и чем его достали. Ощущение было такое, что переломали все кости.

— Сам регент Ниферата, — с шипением выдохнул, и кривая усмешка потянула угол губ вниз. Взгляд метнулся к череде покрытых чехлами зеркал в полный рост, выстроившихся на показательном подиуме, каждое из которых перед этим осмотрела неизвестная гостья. — Безликий правитель. И его... — Перевел дыхание, что стоило ему огромных усилий удержаться в сознании. — Советница?

Он со стоном протянул спиной по выступавшему бортику, надеясь встать на ноги, только результат вышел иной: Роксил свалился на пол и понял, что если и сможет передвигаться, то только ползком. Ноги не слушались, как не ему принадлежали, руки утратили силу, как будто ее выкачали. Потребовалось немало времени, чтобы понять, что он трясется как осужденный перед своим неизбежным концом.

— Советница, — подтвердила женщина, отступая от круга, который пламя не только освещало, но и окатывало волнами жара. Мастеру пришлось вывернуть шею за скользящим звуком шагов. На мгновение показалась нога из-под плаща, и ему померещилось, что сапог плотно обвит змеей: он перелился холодным влажным гляncем, характерно блеснули мелкие чешуйки.

Сердце заглодело сильнее при мысли о том, что за тварь носит с собой сопровождающая регента женщина, голос которой звучит так приятно.

— Добро... пожаловать, — стараясь заставить язык не заплетаться, выдавил Роксил, уставившись на плотный темный плащ, накрывший уstraшившее его видение. — В мой скромный... дом. Правитель.

Регент смотрел на приветствовавшего его человека, выдыхавшего слова в камни, и чувствовал его страх, который тот держал в узде с большим натягом. Беседы вести таким образом ему уже надоело, поэтому, нагнувшись, подхватил зеркальщика под руки, перетащил ближе к печи и усадил в потертое кресло. Пленить не стал: потерявший контроль не над сознанием, но над телом, тот не нуждался в веревках, чтобы оставаться на месте. Человек и сам это понимал, судя по гримасе, исказившей его лицо при виде тряпичных конечностей, которые не мог даже потянуть к себе. Руки со следами многочисленных ожогов, обычных для тех, кто работает с печами, повисли с подлокотников, стопы вывернулись, губы побелели от напряжения, а глаза смотрели настороженно. И было в их чернеющей глубине нечто еще. В конечном счете, мастер не был дураком.

— Мы знаем, кто ты, — прямо подтвердила спутница регента, становясь рядом со своим повелителем. На осторожное поднятие бровей пояснила: — Последователь безымянных демонов Пятого дома. Роксил из гильдии, которую вы зовете Призрачной. И, собственно, из-за чего ты нас и встречаешь, наставник Ниэля Фелина.

Роксил не выдал своего потрясения ничем.

— Госпожа...

Низкий шепот запульсировал в висках, оборвав готовое возражение.

— Не лги.

Волосы на затылке встали дыбом от этого звука. Роксил прикрыл глаза. А в животе наливался леденящий ком ужаса. Начало подташнивать. Давно он не испытывал этот забытый и, уверен был, утраченный в силу ремесла вкус страха.

— Повелитель...

— Не изворачивайся, зеркальный убийца, — повторился хриплый шепот.

Лучше бы он молчал, вдруг подумал Роксил, начиная дышать чаще. Горечь полезла в самую глотку. И он ничего не мог сделать, чтобы обуздать себя. Сильно пожалел в тот момент, что его усадили, а не позволили вжиматься в холодные камни.

Регент оказал милость, отойдя, и сразу дышать стало легче.

— Не собирался, — признался мастер, уронив подбородок на грудь.

— Где он? — повернул в его сторону темноту капюшона правитель.

В страшных кошмарах Роксил представить не мог, что до него снизойдет сам окутанный тайнами регент и ступит в его дом. В сопровождении одного лишь человека, без толпы юнитов, клириков, и сразу же палача не притащит, чтобы увертливый убийца наверняка не усочился куда-нибудь. И при этом спросит не за деяния, а за ученика.

Судорожный вздох покинул его грудь.

— Я не знаю, — качнул головой.

Перед глазами появилась обгоревшая обувная подошва, на которой сохранилось клеймо штаба Союла.

— Это твое? — поинтересовалась советница.

Роксил на миг допустил мысль врать. Но только на миг.

— Нет.

— Его?

Мастер опустил голову ниже, и его взгляд упал на такой близкий плащ советницы, под которым затаилось нечто, от чего все еще не мог вдохнуть без боли. Невольно содрогнулся.

— Когда он это оставил?

— Утром. Ниэль приходил утром, — признался Роксил, прокашлявшись. — Он был одет как юнит.

Советница уронила обугленную подметку.

— Откуда — он, конечно, не сказал.

— Я не спросил. Не принято... — Мастер инстинктивно вжался в кресло, едва женщина сделала к нему движение. — Не принято, — повторил дрогнувшим голосом, — пытаться о делах.

— Делах, — шипением пронесся голос регента.

Змея, подумал Роксил, отчаянно хватаясь за остатки ускользающего самообладания. Они таскают с собой змей, и сами перенимают их повадки.

— Правитель! — воззвал, готовый уже умолять, лишь бы сохранить себя самого, потому что паника грозила вырваться и поглотить его окончательно. Тогда, он видел таких людей, он будет валяться в ногах и орать, рыдать, себя не помня. Либо разобьет голову; и такое случалось с теми, за кем приходил призрак. — Ниэль желает предотвратить беду! И все его действия направлены против людей, которые сеют хаос в каждом уголке Нарсама! Вам должно быть известно о нападении некромантов на людские поселения. О резне охотников в Паучьей голи, где была назначена встреча с кузнецами, а огненные маги вместо честной сделки решили обворовать трофейщиков. О том, как страдают торговцы от ваших же юнитов.

— Складно говоришь. Из первых уст о произошедшем слышал? — напряг челюсть регент и стремительно шагнул вперед. — Защищаешь ученика, который расхаживает в форме юнита, хоть им и не является. Верно, своей одежды у наследника Фелина нет?

Роксил впечатался в спинку кресла, пошатнувшегося от силы удара. Задышал чаще, слова полились беспорядочнее, обгоняя друг друга.

— Сколько уже торговцев полегло на дорогах, а в штабах лишь горы бумаг пишут да складывают их в стопки.

— Чему удивляешься, мастер? — прошипел правитель. Зажмурившись, Роксил напряженно вслушивался в отдалявшиеся шаги и голос, звучавший как у повешенного. — Поведкам призрака Гатиль? — Ладонь в перчатке коснулась покрытой поверхности зеркала и постучала по нему. Раздался чистый звон. Мастер, поделившийся с отражением частицей своих чар, сжался от этого звука, а регент склонил голову: — Не ты ли тренировал ученика следов не оставлять? Мои юниты не обучены скакать из одного владения в другое за один удар сердца.

Роксил повернул голову, чтобы видеть высокую фигуру. Жар, плавающий воздух возле любимого кресла, играл дурные шутки, то размывая регента, то наводя странную резкость, от которой сердце тяжело ухало в животе. Мастер сидел весь мокрый, чувствовал себя мерзко, смотрел на бессильно сваленные ноги и не имел сил изменить что-нибудь в своем положении.

— Ниэль шел по следам, — с усилием выдавил из себя. — На такого свалить вину проще всего. Его подставили.

— Или он подставил одного клирика? — вмешалась советница. — Не он ли выкрал именной ремень, а потом удавил им ни в чем не повинного юношу лишь для того, чтобы озлить его родителя? А в курсе ли ты, призрак, что все те, чьей смертью ты так огорчен, с жизнью расстались в жутких муках? Их выпотрошили очень красочно. Совсем как капитана юнитов из Хилескоры, где твоего ученика и поймал тот самый клирик, который как кость поперек горла у твоего ученика. А Ниэль взял и сознался.

— Это не так! — задохнулся зеркальщик, не допуская и мысли о том, что ученик мог послушаться устоев. — Ниэль порывист в силу возраста и воспитания. Тем не менее он следует правилам!

— Если он чему и следует, так это своим собственным целям, которые мы выясним, и очень скоро, — предупреждающе понизила голос не имеющая лица сановница. И прохладно

напомнила: — Он преследует служителя Блаэна Росса с самой Сирамизы. И нападал на него не единожды.

— Он пытается вырвать из рук клирика деву, к которой благоволит хранитель запретной Сидэ, — поторопился пояснить Роксил, отводя взгляд от горбатой спины советницы, куда ему смотреть, чувствовал, не следовало. И знать, что скрывает плащ, тоже. — Клирик Росс сошел с ума. Он оставил в темнице Нана рассудок, ведь не просто так людям нет туда хода! Он убил кучу людей, он прикончил двух призраков в Самире, правитель, а это не так-то просто сделать! И еще Хашс в горах... Он вырезал там всех подчистую!

— Если твой ученик был в Хашсе, то в стороне не стоял, — обронила женщина на запальчивый возглас, сея сомнения в мятущейся душе мастера.

— Спятивший клирик... — прошептал он, упрямо держась за веру в Ниэля.

— Клирик в своем уме, к тому же с ним мой советник. Он его сопровождает. Смеешь допускать, что я дал приказ перебить людей в деревне? — бесстрастно спросил регент. И ему Роксил возразить устранился, придерживав онемевший язык. — Что бы там ни произошло — клирик в том не принимал участия. А вот Ниэль Фелин, который уверенно заявил тебе, что все люди мертвы — так я не сомневаюсь, что он-то на совесть проверил своими тихими методами. Чтобы никто не рассказал, отчего деревня на самом деле пострадала. Ты в курсе, зеркальщик, что там бесчисленные стаи амуков обитают, а земли изрыты норами дермитов, потому нападения этих тварей — в порядке вещей?

— Ниэль напал исподтишка на уже разоренную тварями деревню?

— Разве твой воспитанник действует иначе? — приподнял голову регент.

Из груди Роксила вырвался тяжелый вздох.

— Он не мог. Он знает, что за пролитую кровь надо платить или золотом, или...

— Он заплатит, — зловеще пообещал регент. — И за души, которые он прежде времени отправил в посмертие, и за его обман. Только я взыщу не золото.

Мастер устремил взгляд в темноту, лежавшую на лице правителя, но выдержал его невидимый взгляд не более мгновения, сразу же уронив голову на грудь. Леденящий ужас легче было выносить с закрытыми веками.

— Ниэль стремится освободить деву от влияния клирика!

— Ты дурак, если веришь этому, — жестко оборвал сбивчивую речь регент. — Та, к которой благоволит белый хранитель, находится рядом с ним с момента отправления из Сидэ. А клирика сопровождает ее сестра, ради которой змей вряд ли хвостом пошевелит.

Роксил смешался и вновь осмелился поднять голову на уровень груди регента. Его вдруг одолели сомнения, для которых ранее причин не видел.

— Ниэль утверждал, что клирик удерживает Тай из Хилескоры, и с ее помощью привлечет на свою сторону змея, — проговорил, хмурясь и вспоминая все доводы, которые приводил ученик. Они казались ему более чем разумными, именно поэтому не стал приструнять Ниэля. — Правители всех владений покровительствуют целителям, это общеизвестно, а некроманты, которые подставили Ниэля, снабжают вестями демона бледных лесов. И когда безымянные демоны заинтересуются, почему регенты, шакал Эригал и Асафи истребляют их последователей, то всем пяти владениям не поздоровится.

— Молись своим демонам, призрак, чтобы они этим не заинтересовались, — резко бросила советница, заставив зеркальщика сглотнуть и воззриться на нее. — Ибо первым, на кого упадет их гнев, будет твой ученик, вообразивший себя вершителем судьбы Нарсама, а следом и вся ваша гильдия развеется песком, его покрыватели и пособники. Ниэль Фелин намеренно разжигает пожар, преследуя свои цели, а ты послушно исполняешь отведенную тебе роль, мастер! Мы все погрязнем в войнах, о которых до наших дней дошли лишь отголоски, да и те до сих пор отнимают у людей огромные территории Нарсама. Этого хочешь?

Роксил таращился на яркие губы, с которых слетали ужасные предсказания, и не мог слова вымолвить. Тень густо покрывала лицо, но вздернутый подбородок, изящный, твердый и вместе с тем непостижимо прелестный, приковал его взгляд. Женщина продолжала говорить, а он не понимал ни слова, внимая движениям губ. И сидел бы так долго. От созерцания красоты его смогло оторвать лишь звучание бьющегося стекла, эхо которого отозвалось внутренним содроганием. И последующее царапанье по всему зеркальному ряду.

Советница понимающе наклонила голову. И как только малость волшебного облика пропала из видимости, мираж сразу отпустил зеркальщика. Он рвано вздохнул и крепко сжал губы, устыдившись своей реакции.

— Госпожа, — прошептал, уже понимая, что ему отсюда не выйти. Не тому, кто выложил все и о себе, и о Ниэле как зачарованный. Сохранив при этом ясный ум, о последствиях иллюзий не строил. — Прошу, мой регент... Ниэль не...

— Твой ученик упоминал о своих целях?

Роксил опять вывернул шею, чтобы отыскать в зыбкой темени регента, занявшегося остатками зеркал. И его лицо болезненно задергалось, когда дождем осыпались осколки, усеяв каменные полы и чехлы сияющей стеклянной пылью. Правитель Ниферата при этом не шевельнулся, а зеркальщик внезапно задрожал от ледяного дыхания смерти, которой и сам умело управлял, но которая вдруг обернулась против него. Жаркое пламя печи зашипело, съежилось и вжалось в угли в поисках убежища, оставив человека наедине с темнотой и ужасом.

— Он опасался союза, — дрогнувшим голосом произнес мастер то, что ему было известно со слов ученика. — Сплочения хранителей против хранителей.

— Он упоминал о бездне?

Зеркальщик отрицательно качнул головой.

— О Пустоши? — настаивала советница. Присев перед креслом, она медленно опустила капюшон, а мастер задохнулся, встретившись с взглядом, осиянным множеством звезд. Неистово забилося его сердце.

— Эчей... — прошептал непослушными губами, пока глаза пытались объять и постичь нечеловеческую красоту, которой ему позволило насладиться провидение перед концом. — Госпожа...

— Пустошь, — повторило видение мягче.

— Ниэль сгубил там множество людей, — пробормотал Роксил, послушно вытягивая из памяти все, что помнил из злобных выпадов Эчей и бурчания Хугуру.

Он замолчал, путаясь в мыслях.

Разлетелось на осколки еще одно зеркало, заставив его уши кровоточить, а тело — корчиться от холода, невозможного среди огня.

— Это все? — поторопила Эль, бросив напряженный взгляд на регента. И даже расстояние между ними не смогло притупить тяжесть его неодобрения.

— Он... — зубы мастера резко клацнули. Не осталось ни сил, ни воли сопротивляться. Живое тепло не задерживалось более в сломанной оболочке и утекало свободно. Но, повинаясь чужой воле, с губ продолжали падать слова: — Он как-то обмолвился о лигтенах, которые продержатся в Пустоши дольше людей.

Советница внимательно его слушала, ее улыбка замерла на губах. К ней приклеился взгляд зеркальщика, дышавшего с каждой секундой все тише.

— Мой регент, — укоризненно она произнесла, безмолвно прося позволить огню вернуться в эти высокие залы.

— Где твои друзья? — прошептал регент. И от низкого свиста душа Роксила заледенела, проваливаясь в бездонные трещины замирающего сознания.

— В песках, — шепнул он. К его мокрому лбу прилипли волосы. На губах запузырилась кровь, придав хрипам мрачную окраску.

— Мой регент, — вздохнула советница, отпуская утративший блеск взгляд; осталось лишь мутное стекло под заиндеветыми бровями. — Он может еще послужить Нарсаму.

— Он мертв уже, — указал регент на синюшную окраску призрака.

— Он мог поведать множество тайн, — сердито возразила советница.

— Он ничего уже не мог, — со вздохом прошептал правитель, поднимая спутницу на ноги. Бережно обнял ее щеки и вгляделся в яркость звездного света, безумию которого никогда не мог противостоять. — Его разум оказался слаб, а мозги текут через рот. Не смотри. Что толку обсуждать теперь?

— Не без твоей помощи...

— Существуют некроманты, — добавил регент, прежде чем ему приписали бы то, в чем он действительно был виноват, но признаваться не хотел. Не ему, белому призраку Нарсама, быть уличенным в ревности. — И им принадлежит память мертвых. Этот призрак обладает множеством запретных знаний и весьма ловок в своей профессии. Кроме всего прочего, он лицеизрел тебя. Позволить ему трепаться языком мы не вправе.

Это звучало вполне обоснованно.

Советница оглядела печь. Потом — замершие глаза зеркальщика, его неподвижную грудь, в которой больше не было ни дыхания, ни движения крови, ни восхищения.

— Это если есть что поднимать, — сказала. — Что ж. Тогда подари его огню, мой регент.

* * *

Упавшие столбы некогда вздымались вверх, подпирая полукруглые своды храма. Каменные башни окружавших его крепостей заслоняли собою хмурое небо.

Теперь же обломки фундамента служили прибежищем множеству невидимых тварей, среди полузатопленных руин зияли проломы стен, заплетенные почерневшим мхом и гнилыми лозами. Тяжелый, удушливый аромат болот облеплял сотнями крыльев и разноголосым шелестом, не нарушая никак вязкое мертвенное оцепенение, в которое погружена была Джаура много веков. Одежды приклеивались как паутина и мешались, испарина, выступавшая на теле, казалась продолжением тухлой воды, и от нее хотелось немедленно отмыться.

Риор раздражался от каждого звука, притом что обитатели бледных лесов — их глаза и уши, послушные воле демона, — не показывались на глаза тем, кто не принадлежал этому миру. Одни лишь изворотливые веточки приносились с ветром и пытались проползать в кельи. Они свисали с уродливых стволов, цеплялись за обувь и нежно ворковали при обнаружении. Несколько таких стручков черный змей прихлопнул, шипя и оттирая потом руки от вони мертвечины, пока Лин не заметил, чем гость занят.

— Это мои шпионы, — пояснил некромант, аккуратно снимая с плеча змея травинку, пока она не оказалась размазана, как и предыдущие. — Не уничтожай их.

— Много узнал с их помощью? — процедил Риор, отряхиваясь. — Скажи своей мерзоте, чтобы держалась от меня подальше.

— Риор, — в который раз вздохнула Ниока. И движением подбородка указала на Яна, такого же лиггена, вышедшего за пределы небольшого круга, сомкнувшегося вокруг костра.

Риор сделал вид, что не понял. Но языком, к облегчению всех, болтать перестал.

Они обосновались в самых настоящих дебрях. Нимоя утверждала, что это сад, но сады змеи представляли себе несколько иначе. Здесь же большей частью царила серая грязь сумерек, накрытая густым пологом секвой. Гнилые скелеты деревьев заплелись терном, вместо листьев растрепавшим острые шипы. Ядовитые испарения вились от земли, влажность и духота сводили с ума. Риор едва сжился с постоянным звоном, от которого не спастись было нигде. И научился смотреть под ноги, потому что то, что казалось черными булыжниками, вполне могло вывернуться и с визгом плюхнуться в топь, окатив при этом зловонием тины. Они все давно рас-

стались с теплой одеждой, рукава туник закатывали как можно выше, и подолы подвязывали узлом. Можно было смело раздеваться и дальше, только запасов одежды некромант не предусмотрел, а потому обходились чем есть.

Если Лин, Нимоя и Ян чувствовали себя в этой парилке хорошо, то змеи, привыкшие к чистому воздуху гор и просторам лугов вокруг долины, изнывали и томились. Неудивительно, что после двух недель в атмосфере бледных лесов они шипели и огрызались; пошатнулась даже апатия Бьяра, равнодушного ко всему. Он все чаще поглядывал в сторону кельи, где заперся Асафи с Тай. И постоянно пропадал на охоте у границ лесов, где можно было поймать что-то помимо разбухших и вонючих жителей Джауры, мало отличимых от трупов. А мертвечиной змеи не питались. И ели они немало. Поэтому Бьяр, а с недавних пор и Рэйно, не вынесший медленного разложения, присоединялись к беседам у костра лишь к вечеру. Когда насаживали на вертел дичь. Что они делали каждый день.

Риор громко простонал и оглянулся на запертую дверь, которую мог свалить неосторожный тычок. Не видя Сафа столько времени, подумал было, что тот впал в спячку; правда, вламываться и выяснять никто не решился. Да и Тай уверяла, что это не так. Она была единственной, кто переступал порог жилища древних служителей храма, на руинах которого они и сидели. Сюда пришли, потому что некроманты сказали, что это единственные останки от построек, а во враждебном лесу на голой земле располагаться остереглись.

— Шакал обещал неприкосновенность. — Ниока вздохнула и бросила палочки в огонь. — Нимоя, что скажешь? Ему можно верить в нашем случае?

Нимоя не успела открыть рот.

— Конечно, нет, — фыркнул Риор. И хмуро уставился на сурах, с которой шептался Лин. Некромант выглядел живым, пусть по его несчастному выражению лица и не сказал бы, что его это самого приводило в восторг. Что-то произошло по прибытии, чего они не понимали, и что действовало на всех одинаково гнетуще.

— Никто за это время сюда не вторгся, — терпеливо напомнил Лин, почувствовав взгляд черного змея. — Разве вы отбиваетесь от орды пауков или аран?

— А жаль, — сухо обронил Бьяр, свежавший оленя. — Надо бы оживить этот застой. Может, Саф заинтересовался бы нами. Что у него произошло?

Ниюка переглянулась с Риором, вздернувшим брови. Нимоя пересела ближе к Лину и замерла, прижавшись к его боку, наблюдая за тем, как скользит меж пальцев ее мужчины крошечная сурах.

Никто не знал, что произошло. Когда Саф вернулся вместе с Тай, он молча прошел мимо своих спутников и заперся в дальней из ряда келий. Вряд ли дело было в девушке, потому что разлада между ними не наблюдалось, но и с собой ее не позвал. Чем хранитель был поглощен настолько, что оставил без внимания ту, ради которой стесал все брюхо, рвясь в Джауру, не понял никто. Тай зашла к нему позже, понесла ужин, не пролив света перед этим ни на один вопрос, заданный у костра. Все догадки были высказаны уже без нее, а какие из них соответствовали действительности — ответа не было.

Покинул их не только белый змей, но и хранителя Джауры также они не встретили ни разу со дня прибытия. Он будто растворился в сырых бледных туманах. Лин испытывал облегчение от его отсутствия и благодарность к змеям, избавлявшим от необходимости объяснений с шакалом; о чем благоразумно помалкивал. И отправлял своих незаметных помощников в надежде что-нибудь выяснить. Только вот...

— Шакал перехватывает моих лиггенов, — нагнувшись к огню, прикрываясь треском дров, признался предельно тихо, чтобы звук не сбежал за пределы тесного круга. — Сведений о ситуации ни в Джауре, ни за пределами запретных земель у нас нет. Мы тут заперты и дезориентированы, пока Саф не двинется с места.

Нимоя резко развернулась к нему. Вгляделась в сумрачную сирень, расцветавшую огненными сполохами.

— Почему ты не сказал? — напряженно спросила.

— А ты не посылала разведчиков сама? — мягко осведомился Лин.

Нимоя бросила беспокойный взгляд на Яна, бродившего среди каменных выступов и заросших сорняками сухих деревьев. Прикусила губу, потому что старательно обходила стороной мысль, что в Джауре путь не заканчивается, и поднимать ее избегала.

— Я думала... — неохотно начала.

— Она получила, что хотела, и теперь век здесь готова сидеть, лишь бы не подвергать опасности ни тебя, ни твоего брата, — вмешался Риор. И Нимоя сердито уставилась на него.

— Прекрати! — повысила голос Ниока, приподнимаясь с бревна, на котором устроилась. Скулы Риора почернели, покрываясь мелкой чешуей.

Прекратить он и не подумал, презрительно выплюнув:

— Потому что она не дает себе труда глянуть дальше и задуматься над тем, что будет с ее драгоценным труполизом, если тот ступит за пределы Джауры, где обещание шакала не будет действовать, да еще и без нашей защиты.

— Опять труполиз, — уронив руки с колен, ошеломленно уставился на змея Лин. Риор лишь оскалится в ответ и не подумал забрать слова назад. — Я его, значит, лечил...

— Он этого не помнит, — успокоил Рэйно. — Просто воспринимай шум Риора как дружеское расположение, — последовал совет, после которого змей поднялся на ноги с намерением помочь Бьяру, сдиравшему шкуру с туши резко и неаккуратно. — Ты ведь до сих пор жив и цел, как и твой пацан. А со своим языком Риор воюет уже много лет. Не понимаю, почему он все еще при нем. Бьяр! Оставь мяса немного на костях.

Бьяр зашипел в унисон с пламенем.

Риор вспыхнул и свел брови. Лин побледнел, видя, что ни к чему хорошему разговоры не ведут.

— Послушайте!

— Пусть дерутся, — не смолчала Нимоя, разозлившись на Риора за его тираду, которая, высказанная вслух, выставила ее тайные надежды в неліцеприятном свете. — Раз не могут себе мирное занятие найти.

— А ты можешь? — выкрикнул Риор, подавшись вперед, и отблески заплескали на его искажившемся лице, заставив обоих некромантов побледнеть. — Все, что я вижу — как ты сидишь, спишь или набиваешь брюхо тем, что мы ловим! Считаешь, так и просуществуешь до старости, не покидая это гнилое болото? Ну-ну...

Ниока вскочила и схватила Риора за запястье, сдавив его со всей силы, пока не проступили очертания прятанных под кожей пластинок.

— Следуй за мной, — сердито приказала.

— С радостью, — ошетинился Риор. И напоследок послал Нимое злой прищур, от которого ее еще раз передернуло.

— Нам не хватает Сафа, — проводив их взглядом, заметил Рэйно. Переговорив с Бьяром и выслушав его мнение по поводу помощи, потянулся за бутылкой вина. — Он заставляет Риора думать иногда. Риор склонен делать поспешные выводы, но не в этом беда. Что больше всего удручает — он не трудится держать их при себе.

— Ваш товарищ верно все сказал, — вздохнул Лин, растерянно проводя рукой по волосам, влажным и отвратительным на ошупь. — Я тоже думал об этом. Провести здесь остаток жизни я б не хотел. Не представляю, как вы выдержали столько времени в заточении в долине.

— Не приписывай нам человеческие повадки, — прохладно оборвал сочувствие Рэйно и сунул ему в руки кружку, в которой плескалось кислое вино, обнаруженное в одной из келий. — Пей и постарайся не отравиться, некромант.

— Вино хорошее, — буркнула в сторону Нимоя. — Дай сюда.

Рэйно плеснул кисляка и ей, потом хлебнул сам. Скривился, но проглотил, потому что чистой воды у них не было. За ней тоже следовало охотиться вне отравленной земли.

— Некромант... Нимоя, — сказал после паузы, глядя в хмурые глаза женщины. — Мне известно, что ты резкая как горный ветер, но раньше ты казалась мне также здравомыслящей.

— Мне тоже казалось, что компания пойдет вам на пользу после полной изоляции, — не осталась в долгу Нимоя.

Лин покачал головой:

— Нимоя...

— Расслабься, некромант, а то твои лигены тебя почти прикончили, — смягчился Рэйно. А его женщину предупредил: — Общество людей нам ни к чему, запомни.

Нимоя резко вдавила кружку в землю и ушла к Яну. Блики костра теперь освещали лишь троих. Воспользовавшись тем, что ничей взор не смутит, Бьяр скинул с себя тунику. За ним повторил и Рэйно, с облегчением подставляя тело сухому жару.

— Не буду спорить, — ничуть не обидевшись, вместо Нимой ответил Лин и отпил вина. Чуть улыбнулся, встречаясь с горевшими золотом глазами змея. Теперь ничего страшного в нем не видел. Они все, и ядовитый Риор в том числе, имели с людьми сходства больше, чем им самим казалось. — Но Саувиль вам все же понравился. И шум таверн пришелся по вкусу. Можно поселиться поблизости Джауры, но не обязательно в ней.

— Для этого нужно растолкать Сафа. Без него мы ничего не решим, — донесся низкий голос Бьяра. Рэйно поднял глаза вверх, к затянутому блеклой завесью небу, которое имело вид перевернутого болота. Этот пейзаж топил любую надежду.

— Что бы ни произошло, он не может быть поломан настолько, чтобы оставаться без движения. Рано или поздно оно случится, вперед ли, назад — но что-то произойдет, — сказал. И постарался в это поверить.

— Думается мне, Саф не станет валяться без дела, — уверенно поддержал Лин. — О чем бы он ни молчал, он это осмыслит, уложит в голове и сообразит, как с этим сладить. Наберись терпения.

— Мое терпение в ужасе, что мы тут застряли навсегда, — проворчал Рэйно. И отпихнул от себя уродливую корягу, не уверенный, дерево ли это на самом деле: в долине твари, по крайней мере, не прикидывались тем, чем не являлись.

Точно такое же шелудивое бревно из-под ног Риора вывернулось, окатило волной едкой вони, растянуло кучу конечностей и бросилось между коряг. Непролазные болота огласились пронзительным стрекотом, хлюпнула зеленая трясина, что-то зарылось в тину и пускало пузыри.

— Гадость... — простонал Риор, разглядывая шевелящиеся мшистые кочки, неповоротливо отползавшие с пути змеев. Земля упруго пружинила, обволакивая каждый шаг и не торопясь выпускать ногу. Хотелось постоянно проверять, не волочется ли следом гнилостная плоть Джауры.

Туман у земли густел и лип к штанам вместе с клочьями паутины. И пауками, ворохом свалившимися с неосторожно потревоженной низкой ветки. Ниока попросту их стряхнула, и блестящие черные уродцы защелками клешнями, убираясь обратно под защиту зарослей.

— Риор, — позвала несущегося неизвестно куда змея. — Риор!

— Разве я неправ? — обернулся он, чуть замедлившись. И наподдал пню, сухому, как пески в пустыне, корнями оплетшему поляну вокруг. Сапог немедленно провалился в труху, что не прибавило прогулке прелести.

Ниока терпеливо подождала, пока Риор прополощет сапог в луже. Думала уже, что он и сам туда залезет, но обошлось.

— Прав, — сказала, как только он утих. — Но разве нельзя выразить это иначе?

— Эта бабища с косой...

— Нимоя, — быстро оборвала Риора Ниока. — И она очень нам помогла.

— Она невыносима, — прошипел Риор.

— Совсем как ты, — легко согласилась Ниока. И улыбнулась опешившему змею. — Не могу избавиться от этого ощущения с тех самых пор, как она с нами путешествует. Вы поэтому и кусаете друг друга без конца.

Риор вскинул голову, глядя в ясную зелень глаз сверху вниз. У абсолютно всех Ниока вызывала умиротворенность, через него же ее взгляд, голос проходили острыми уколами, раздражая до крайности.

— Она мне не нравится, — заявил до отвратительного высокомерно. — Ни капли.

Губы Ниоки изогнулись в еще одной улыбке. Ветерок подхватил отливающие нежной зеленью пряди и взметнул их вверх. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Риор протянул руку, поймал их и сжал в пальцах. Чешуйки тотчас же улеглись, убрались когти, чтобы не срезать ненароком.

Долго перебирал змей волосы, пока не сообразил, что стоит перед самкой, затаив дыхание, выглядя очень глупо. Однако ощущение частички Ниоки в руке успокоило, потребность кричать и все крушить пропала. Раздражение сменилось нервным трепетом, а сердце застучало чаще, едва подумал о том, чтобы коснуться ее языком. Пусть не ее, пусть воздуха, который стелился вокруг нее и украл ее аромат.

— Риор? — вопросительно склонила голову Ниока, когда язык Риора пробежался по губам, а ресницы прикрыли блеск черных глаз, пряча узкие щели зрачков.

— Мы с тобой...

— Я уже говорила, — чуть помедлив, сбитая с толку незнакомыми хриплыми оттенками, оцарапавшими ее саму, напомнила Ниока. — Нет. Никогда.

— Почему? — еще тише спросил Риор, делая шаг к ней. Без тени насмешливости, серьезный, он вызвал странное чувство неузнавания. Ниока ждала, что он вот-вот выдаст очередной свой шедевр, но змей двигался, пока между ними не оказалось одно дыхание, которое шевелило волосы на лбу и висках. Хотелось поднять руку и потрогать его.

Риор опустил голову и лизнул щеку Ниоки. Прикрыл глаза, проникаясь вкусом ярче и насыщеннее того следа, что растворялся в воздухе и разбавился испарениями.

Переполнился им. Жар затопил его темные глаза, которыми он посмотрел на самку, стоявшую так близко, что мог пить ее горячее дыхание и дышать одним лишь ее запахом. Он ощущал ее до боли в дергающихся мышцах. И намерения, очевидно, все до единого читались на лице.

— Ты не можешь, — задыхаясь, прижала руки к его груди Ниока в попытке удержать. — Я не стану. Я тебе не раз говорила, что не хочу. Это инстинкт, который мне противен, он лишает воли!

Риор прижался лбом ко лбу Ниоки и резко вздохнул:

— Я понял тебя. Свобода воли. Без брачных ритуала и связи, в шкуре двуногого. Только... Боюсь, я мог кое-что забыть. Что делать со всеми этими руками и ногами?

Ниюка с силой оттолкнула его, чуть не плача от того, что любые подсказки Риор искажал в свою пользу:

— Я тебе сказала — нет! — повысила голос. — Если все, что тебе нужно — это спариться в любом виде, то и женщину можешь взять любую!

Риор сжал кулаки, борясь с желанием, которого сам до конца не понимал, и с соблазном пойти туда, куда его послали, что в данный момент испортило бы все окончательно.

— А я не хочу любую! — пересилив себя, прорычал ей в лицо. Остался на месте, злость опять вспыхнула на щеках чернотой.

Он сделал последний шаг и уничтожил между ними оставшееся расстояние. Ниока подняла голову.

Прижала эти чешуйки теплыми пальцами и целовала жесткий рот, пока не разжались сведенные губы. А после Риор понял, что так ощущает ее еще ярче. Глаза, широко открытые в потрясении, закрылись сами, кулаки разжались и обхватили спину Ниоки, притягивая ближе, тогда как жар, проснувшийся от соприкосновения их тел, заставил задыхаться и желать продлить эту муку как можно дольше.

— О... — медленно он проговорил, не в силах перестать касаться губами мягких губ, которые имели неповторимый вкус сотни лет ожидания. А в груди перехватило от магии переживаемого мгновения.

* * *

В полном молчании.

Глубоко внутри он корчился от боли и страдал многократно страшнее, чем в разгар боя, когда без звука молил сироту бежать от него, а не на него. Но Нуар всегда выбирал неверное направление. А его противник, заноса руку с мечом, утопая в черном отчаянии, тысячи раз умирал вместо него и рвал свою душу, не готовый нарушить клятву повиновения, не способный выбрать между белым призраком и теми копиями, нити жизней которых оказались связаны с его собственной. О себе, о своей участи не задумывался вовсе в пекле войн, его душа не была тем благом, которое стоило спасать. Его — не стоило. Он искренне верил, что ему не было места здесь никогда.

Бесконечно Саф прокручивал в памяти признание Нуара, пугающее в своей простоте. Оно все длилось и длилось, пока не намоталось вокруг всего Нарсама, как веревка вокруг шеи висельника, вытягивая каждый нерв, каждую мышцу и весь воздух из крови. Не мог дышать. А когда оно лопалось, криво, уродливо, то на глазах выступали слезы. Тай всегда была рядом, чтобы помочь, но и она ничего не могла сделать, когда у Сафа подгибались ноги и он валился на колени, пряча лицо в ладонях, не способный ни оправдать себя, ни простить.

Покидал он свое убежище лишь тогда, когда твердо уверен был, что спутники его разбрелись по выбранным для ночевки местам. Некромант сказал, что раньше здесь обитали служители храма, и Саф склонен был ему верить — чокнутые храмовники во все времена обладали противоестественным желанием загнать и себя, и других в невыносимые условия и таким образом почтить свою веру во что бы то ни было. В каменном закуте, где они с Тай остановились, места не хватало даже для двух спальных мест, не говоря уже о чем-то большем. Постелью им служил ворох шкур, сваленных у стены, пищу принимали там же. Опасения спутников по поводу спячки были напрасны: змей в своей исходной форме попросту бы здесь не уместился, он развалил бы всю ветхую постройку клетей. Они давным-давно отслужили свой век, как и те, кого чтили храмовные затворники прежних времен и чей храм также разрушался неизбежным забвением и осыпался песками.

Под погребальным покровом могучих секвой все хрустело битым стеклом и отдавало тленом старых костей. Верой, не спасшей ничего и никого. Бездна предвестник посмертия, за которым размытой тенью стоял хранитель этих пейзажей.

Нагромождения неотесанных камней, острых, выломанных силой. Пустые провалы окон, заплетенные старой паутиной, хранившей высохшие трупы. Целый могильник, растянутый вместо стекол. Тай пошевелила его веткой, и все осыпалось прахом. К земле.

Вскинула глаза на Сафа. Он давно снял халат из шелковой паутины и одет теперь был привычно, в плотные штаны, серую рубашку, расшитую вязью, ворот у которой завязывать не стал, и кожаные высокие сапоги; впрочем, ее наряд не сильно отличался.

— У меня такого не было, — сказал он, имея в виду упадок, и толкнул дверь, скрипом ободравшую чуткий слух. В груди тяжелым комом осел затхлый воздух, ворвавшийся внутрь кельи.

Действительно, в его пещере стены были расписаны яркими красками, вспомнив о чем, Тай не могла не улыбнуться. И тут же сникла, окинув взглядом открывшееся уродство.

— Здешние потоки... Они выкручивают мне все жилы, — признался Саф, прикрывая дверь много тише, чем открывал. — В темноте я слышу, как стонут души, погребенные подо всеми этими завалами, в каждом болоте. Мне кажется, эта трясина засасывает и меня, и тебя. Непонятна мне тяга некромантов к порче, они ведь людьми остаются, а не магическими выродками наподобие тех, что плещутся в заразе Джауры.

Тай видела, как ему неприятно здесь находиться. Возможно, при других обстоятельствах он бы лучше держал свой внутренний щит, но сейчас он оказался полностью разбит, а яд Джауры болезненно въедался в обнаженную рану.

— Уйдем на время, — тут же предложила она и, отыскав горячую ладонь, сжала ее двумя руками, потянула Сафа от келий и едва тлевшего костра, свечения которого не хватало разогнать блеклый грязный туман. Даже в него насмерть выросла плесень. Позеленевшие клочья давали последний источник света, зрение туманилось, а из темноты протягивались корявые древесные лапы.

Только белый хранитель не видел в них физической угрозы. Он шагал по стелившейся под ногами каменной тропинке, а Тай чувствовала себя с ним под надежной защитой. Он шептался, выстраивая вокруг них стену, за которую не могло проникнуть ничто. Это была их территория, их тайна. Стебли убирались с пути, узлы корневищ расплетались и опрометью зарывались в землю, сглаживая кочки.

— Удивительно, — прошептала Тай, не уставая поражаться воздействию змеиной ауры на всех и на всё. Благодарный за отсутствие страха от нее самой, Саф тихонько хмыкнул. Прижал ее плечо сильнее.

Рядом с Тай ослабевал узел в его груди, дышалось свободнее, где бы ни находился.

— Хотел бы я с тобой пронестись по этим лесам, — с сожалением произнес, — чтобы ветер и бег дали мыслям покой, но, боюсь, придется нам тогда объясняться с шакалом. Ему не понравится гора валежника. Он усердно гноит тут все и трясется над каждой лужей. Когда-нибудь провалится глубоко к бесам со всем этим хозяйством.

Тай рассмеялась, забывшись. И быстро прикрыла рукой рот, осматриваясь.

— У меня такое ощущение, что демон посмертия везде, — сказала со вздохом.

— Имеет он привычку зловеще дышать в затылок, — согласился Саф. И напрягся, когда груз с костями налился тяжестью и потянул к земле, стоило вспомнить о нем. — Тем более сейчас, когда я представляю для него огромный интерес.

— Он нас отпустит ведь?

Голос Сафа смягчился.

— Эригал мне не хозяин, чтобы контролировать маршруты. Мы уйдем тогда... когда... — Губы хранителя подозрительно резко сжались, а взгляд опустился к Тай, внимательно его слушавшей. — Тай. Я понимаю, что позволил себе мешкать и погряз в бесполезных сожалениях. Что наши семьи тревожатся. Но раз уж мы здесь, я хотел бы задержаться, чтобы получить доступ к хроникам, которые собраны в хранилищах шакала. Я не особо надеюсь на то, что у него отыщется та часть истории, которая для меня бесценна, ей как-никак больше двух тысяч лет, а Эригал сильно ограничен в действиях вне бледных лесов, потому что добыть знания для него представляется сложным. И все же осмелюсь просить потерпеть еще немного...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.